

СВЕТЛАНА РЫБАКОВА

РЕКА ВРЕМЕНИ

ПОВЕСТЬ

Глава 1. “Не бойсь...”

Экран телефона высветил номер племянницы Кати из Саратовской области, тихо свистнул и погас. Дальние родственники привыкли, что Марина сама перезванивала. У неё и тариф хороший, да и зарплата у москвичей побольше. Она набрала далёкий номер, послышался взволнованный голос:

— Тётя Марина, помолитесь обо мне. У нас несчастье! — Трубка заплакала.

— Что случилось?.. Катя!

— У меня пятый месяц беременности, а врачи нашли у ребёнка патологию и требуют сделать аборт. В общем, ёлки-палки, роды собрались вызывать, преждевременные. Как это можно?! Он живой, прыгает уже... Я его люблю, а они хотят, чтобы я его убила, — всхлипывала племянница. — Как я после этого буду жить? И вообще, родятся ли у меня тогда дети?

Марина обмерла. В памяти замелькали картинки: маленький гробик на колёнях... Ямочки на щеках Катюши... Свадьба... Красивые молодые...

РЫБАКОВА Светлана Николаевна родилась в Саратове. В 2003 году окончила Литературный институт им. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Автор сборников рассказов “Круг жизни” (2004) и “Живут такие люди” (2016). В соавторстве с Мариной Анашкевич были написаны книги, посвящённые святыням нашей столицы: “Самые знаменитые храмы Москвы” (2007) и “Москва Златоглавая” (2008). Публицистические статьи печатались в журналах “Наш современник”, “Москва”, “Русский дом”, “Московский журнал”, “Держава” и многих других. Лауреат IV Славянского литературного форума “Золотой Витязь”. Работает библиотекарем в Синодальной библиотеке Русской Православной Церкви имени Святейшего Патриарха Алексия II. Член Союза писателей России.

Подумала: “Почему у нас на застольях кричат: “Горько?” А вслух спросила:

— А муж как?

— Саша — молодец. Во всём меня поддерживает. Врачи консилиум собрали, а мы с ними сражались за своего ребёнка... Тётя Марина, они такие гадости о мальчишке говорили, а ведь он ещё не родился... — Катя снова заплакала.

Марина подумала, как всё это безумно и жестоко. Саша с Катей, сами ещё дети, им же чуть за двадцать. Люди не думают, что их зло против них самих и обернётся. Как они потом встанут перед Богом и что Он им скажет? Это здесь, на земле: верю — не верю, а там уже все верующие... и последствия.

— Не плачь, а то ребёнок нервный родится. Видишь, какой у тебя супруг хороший.

Марина опять вспомнила: родня судачила, что Катюша дома капризничает... Как все хорошенькие женщины.

— Муж познаётся в беде, — продолжила она. — У тебя есть повод радоваться — надёжный тыл.

— Помолитесь, пожалуйста, о нас всех... о моём мальчишке, — умоляюще просила Катя.

— Безусловно, мы с мамой о тебе будем молиться, но ты и сама должна это делать, — озноб сердца у Марины уже прошёл. Она заговорила спокойно и размеренно. Откуда взялась уверенность — загадка природы. — Думаю, когда происходят несчастья — это Бог напоминает о Себе. Пойми, Он создал человека красивым и умным, а в придачу сотворил для него вселенную — от избытка любви. Размах такой у нашего Бога, понимаешь? А Ему в ответ надо совсем немного: чтобы мы Его тоже любили. Всё... Такая малость, сказать Ему: “Люблю Тебя, Господи, и благодарю за этот, так чудно созданный Тобой мир”. Мне кажется, что Бог сейчас хочет, чтобы ты о Нём вспомнила. Говорит: “Катя, посмотри, Я есмь. Иди ко Мне, расскажи о своих бедах”.

Молчавшая Катя тяжело вздохнула.

— Может, Он немного отошёл от Тебя, поэтому и началось... Бог не наказывает людей, так как не делает зла, а просто тихо удаляется, а мы без Него проваливаемся во тьму и ужас. Если Он и отошёл, то для того, чтобы ты обратилась к Нему. Пойди в храм на исповедь, причастись — стань с Ним Одной Крови, и твоя порушенная жизнь начнёт восстанавливаться. Мы грубы душой и без несчастий вспомнить о Нём не можем...

Теперь уже вздохнула Марина:

— Знаешь, я когда-то смотрела программу “Русский взгляд”, где рассказывали: бывает такое, врачи настаивают на аборте из-за патологии плода, а младенцы рождаются здоровыми...

— Вот, — перебила её Катя. — И хирург, который должен нас оперировать, говорил, чтобы я не слушала врачей и рожала. Вот... ёлки-палки. Говорит, приходят ко мне зарёванные, а потом получается, что патология-то исчезла. Если даже она есть, то операции всегда проходят хорошо. Зачем аборт-то? А ещё велел, если врачи опять начнут страшилки рассказывать, звонить ему.

“Свой человек”, — подумала Марина, а племяннице ответила:

— Правильно говорит, его и слушай. Все под Богом ходим. Попрошу помолиться своих батюшек: отца Святослава и отца Петра. Уверена, что у тебя всё будет хорошо. Главное, не плачь, пой мальчику песенки, а то он весь перепугался. Его жизнь в твоих руках.

На том и порешили. К концу разговора голос Кати стал заметно спокойнее. Зато Марина, повесив трубку, оробела. Дала племяннице обещания, которые может исполнить только Господь Бог. Надо было быстрее посоветоваться с батюшками.

Внезапно её, словно тяжёлым одеялом, накрыла хандра. “Говорили ведь, что в одну воронку бомба два раза не попадает... А вот и накрыло”. Она легла на диван, лицом в угол.

Пятнадцать лет назад... Марина, будучи уже с небольшим животиком, прислушивалась, как в ней сотворяется новый человек. Больше никогда

в жизни — ни до, ни после этого времени — Марина не испытывала такого чудного состояния безмятежности. В первых движениях малыша она почувствовала мягкое плескание крылышек бабочки. Молодая женщина ушла в себя, и началась двойная жизнь: внешняя — в привычных заботах, и внутренняя — радостнотворная. Хотя окружающие даже не предполагали того, какая сокровенная работа происходит в её субстанции. Словно Некто властно и нежно созидал в её утробе прекрасную новую сущность, и от этого таинственного процесса по всем клеточкам тела разливалось чувство любви и блаженства. Когда Марина оставалась одна, ощущение радости и покоя наполняло душу до самых краёв. Казалось, что сердце тает от сладкой истомы, охватившей всё её существо. Эти переживания были новы, прекрасны и ни с чем несравнимы. Появились они вместе с зародившимся в её естестве младенцем и вызвали к нему ответное, трепетное и в то же время мощное, даже чуть безумное чувство материнской любви. Токсикозов и прочих осложнений она не испытала, ребёнок дарил только упоительный восторг. Никогда и никто на земле не был Марине так близок, как это её создание. Ребёнка ещё не был на свете, а она уже жила для него. Если что-то ела, то заботилась о нём. Если смотрела что-то или слушала, то думала, а хорошо ли ему, приятно ли? Младенец тоже, в свою очередь, преобразил для Марины весь мир. Давно знакомые предметы и лица вокруг виделись и воспринимались по-новому, с замиранием сердца.

Муж Роман часто приходил с работы с огромными букетами цветов. Марина, несмотря на ощутимые траты, не протестовала. Она любовалась цветами и радовалась, понимая, что всю жизнь такое продолжаться не может.

В эти месяцы Ромка тоже был по-настоящему счастлив. Пять лет он упорно, но ненавязчиво добивался её привязанности. В детском хоре при доме культуры знаменитого московского завода, где они всё детство и юность с удовольствием пели, а также ходили вместе со своим руководителем—дирижёром Александром Михайловичем в походы, справляли дни рождения, ездили отдыхать на море, симпатизантов у Марины было немало. Ведь юношам нравятся жизнерадостные, добрые и милые девушки. Посмотришь на такую, и мир краше становится, и мужественность чувствуешь рядом с хрупкостью.

Марина была уверена, что сама выбрала Рому из старшей группы хористов, отдавшись романтическим впечатлениям: он был похож на Есенина, сочинял стихи и пел тенором. К тому же Роман умел слушать и давать дельные советы, хорошо чувствовал и понимал людей — сказывалось увлечение психологией.

Однако Марина и предположить не могла, сколько страдания он претерпел за пять лет их “пионерской” дружбы. Вокруг этой девушки всегда путались взрослые хористы. И когда Марина на кого-то засматривалась своими чуть раскосыми глазами, доставшимися от бабушки-татарки, Рома, чтобы перехватить её внимание, начинал совершать экстравагантные поступки. Он постоянно вычислял, кто может оказаться более удачливым, и уводил Марину от потенциального соперника.

“Борис — красавец, породистый, но его рефлексия вряд ли обрадует, — размышлял Рома, — с Олежеком они просто друзья, а Серёга яркий, подлец, может...”

Вопреки его предположениям, Марина обожала танцевать именно с Борисом. Она вихрем кружилась по залу с Борей, так похожим осанкой и поворотом головы на белого офицера. От безумной круговерти Марина наполнялась незнакомым чувством странного влечения к этому человеку, кровь приливала к голове, становилось весело, она негромко смеялась, а после танца бежала к Роме с глазами нашалившей ученицы. Боря же с грустью смотрел на предмет обожания своего друга.

Марина была младше Ромы лет на пять, и он потихоньку её воспитывал. Доставляло удовольствие из такого мягкого податливого материала лепить себе “невесту”. Он незаметно прививал Марине свои взгляды на жизнь, иногда доверял сокровенные мысли либо старался увлечь тем, что любил сам. Однако тут и проявлялась их душевная несхожесть.

— Меня “Битлы” прикалывают, — говорил Рома. — Послушай: свобода и радость. Жили ведь люди...

— Хи... Кому нужен этот антиквариат? — морщила носик Марина.

— Мне! Буду всегда включать магнитофон, и ты их полюбишь.

Вместе они посещали “консерву” на Никитской. А после концерта шли по старой улочке и пели на два голоса “Грёзы” Шумана.

— Сейчас читаю Бодлера “Цветы зла”, — сообщал он, наблюдая реакцию Марины.

— Да? А я — Толкина “Властелин колец”, — отвечала она, улыбаясь. (В разгар “перестройки” было что выбрать почитать). Но Роман на её слова презрительно усмехался.

Он “болеет” французом-импрессионистом Матиссом. Водил Марину в Пушкинский музей, где они долго сидели, созерцая светящихся “красных рыбок” и дикие танцы с настурциями. Рома смотрел на картины, задумавшись, а Марине казалось, что эти рыбки — яркие леденцы, и хотелось их съесть. Затем у обоих от соприкосновения с прекрасным появлялся дикий аппетит. Возможно, энергия жизни уходила от сопереживания высокому искусству... Этого феномена они объяснить не могли и бежали в вареничную, стоящую почти напротив музея, а затем перебирались в кофейню. Восстановив равновесие души и тела, рассматривали за окном залитую солнцем ли, дождём ли, но всегда шумящую Москву.

Когда школа выплеснула Марину в “Плешку”, Роман впервые осторожно спросил о том, хотела бы она выйти за него замуж... Услышав в ответ смущённое “Я об этом не думала...” — и сделав печальный вывод, что его не любят, сменил тактику. Он уже не мог контролировать её друзей в институте, но зато сделал всё, чтобы Марина стала без него как без рук. Вскользь Рома рассказывал истории, как часто браки без любви, например, на Западе, по расчёту, становились счастливыми. Марина, привыкшая слушаться его советов, наконец, тоже решила, что раз они уже долго вместе и привыкли друг к другу, то, наверное, Роман прав: надо пожениться.

Родители, Владимир Петрович и Лариса Викторовна, были огорчены таким ранним браком: дочери необходимо закончить институт (Рома уже отучился в техникуме). А свекровь, Инна Сергеевна, не полюбила Марину-тростинку с первого дня их знакомства.

— Ты мне скажи, как эта субтилка потянет хозяйство? — раздражённо спрашивала она сына.

Поэтому молодые, чтобы создать свою семью, отправились на выселки. Сразу после свадьбы, отделившись от предков, они по инициативе Романа сняли квартиру в ближнем Подмосковье и зажили спокойно. Он был счастлив, обретая близость любимой, а Марина неожиданно познала ни с чем несравнимую окрылённую радость будущего материнства.

Хожение по мукам началось, когда Марину повезли рожать. Свекровь её предупреждала, что врачи и роженицы хитрят друг с другом о временах и сроках, и прибавить к своему урочному часу недельку-другую необходимо. Как в воду смотрела. Местная пожилая врач, возможно, ошибаясь, поставила срок родов месяцем позже. Хотя Марина вычислила все день в день, но убедить её не смогла. В роддом она поехала по своим расчётам, но там, посмотрев карту пациентки, решили, что это преждевременные роды, и стали их останавливать...

Сделать это было невозможно — время пришло, маленький неистово рвался наружу, но когда врачи с этим согласились, у измученной Марины сил на разрешение от бремени не осталось.

В предродовой, куда её привезли, уже находилась роженица. Как потом выяснилось, там работала её родственница, поэтому к ней собрались все сестры, приходила осматривать врач. На Марину никто не обращал внимания, но ей уже стало всё равно. Частые схватки обжигали огнём всю её утробу. До этого было ни сесть, ни лечь, ни вздохнуть, а тут началось такое... Впрочем, дальше она плохо что помнила: тишина исхода и сплошная темнота. Правда, на секунду в наступившее небытие прорвалась санитарка, сказавшая: “Ну, что кричишь, хочешь, чтобы тебя пожалели?” Хотя Марина не

слышала своих криков. Затем из тьмы её пытался извлечь строгий голос, приказывающий сжимать руку, и стук шприцов о дно железного стерилизатора. Дальше наступил абсолютный мрак.

Сколько это продолжалось, Марина не знала...

Яркий свет прорвался через платок, спущенный на глаза. Под ней — дребезжание каталки.

— Быстро!.. Быстрее-е-е... — услышала встревоженные голоса пришедшая в сознание Марина. Её куда-то перетаскивали. Впоследствии, хотя она тогда и умирала, Марина думала, что это напоминало сказку “Али-баба и сорок разбойников”.

— Очнулась? Тужься! — кричали на неё.

Марина напряглась. Тело вновь пронзила невыносимая жгучая боль, ну-тро будто обожгли раскалённым железом.

— Шею зажало... — рывкнул кто-то совсем рядом. — Режь!

Вдруг её словно разрубили пополам. Марина взвыла, как раненый зверь.

Наступила неожиданная тишина, а потом послышалось слабое чихание.

С Марины сдёрнули платок, она зажмурилась от ударившего в глаза света операционной лампы:

— Посмотри, какой у тебя сынок. — Марина распахнула ресницы. Над ней висел красновато-синеватый маленький живой человечек. Он склонил голову и жалобно пищал и чихал. Марина заплакала вместе с ним.

— Пришла в себя? Ишь какая, перепугала народ! — врач унесла ребёнка. — Сейчас помоем. Всё позади. Живи и радуйся, перепетуля! — Марине казалось, что от её тела ничего не осталось, кроме головы в косынке.

Вдруг раздался грохот подлетевшей каталки. Крик. Какая-то суета. Марина машинально натянула платок на глаза. Опять надрывный вопль, а за ним понеслось звучное и басистое: “Уа!” На свет появился новый человек.

— Ещё один мальчик. — констатировала родильная сестра.

— Уа... Уа! — громко и раскатисто неслось по родовой.

“А моего-то мальчика не слышно, — испугалась Марина. — Жив ли он?”

Вдруг откуда-то из угла отозвалось тихое и невнятное: “Миу... Миу...”

Родилка грянула взрывом хохота.

— Слушай, ты кого родила?! Котёнка, что ли?

— Уа... Уа... — неслось победоносно по больнице.

И словно эхо, тут же ему вторило жалостливое:

— Миу... миу...

Марина, наконец, решила сдёрнуть с глаз косынку.

Рядом, на соседнем столе, возвышалось тело компаньонки по проблеме. Оно соответствовало реву её младенца, который продолжал басыть.

“Не перевелись ещё богатыри на Руси”, — думала Марина, глядя на неё, и вспомнила свои шестьдесят семь на девятом месяце.

Рожище переложили на каталки. Марину стало трясти мелкой дрожью, даже зубы застучали, отчего было очень стыдно. Санитарка накрыла её одеялом, потом ещё несколькими и успокоила, что такое бывает со всеми. Марина же продолжала дрожать.

Ей разрешили позвонить домой, подвезли на каталке к телефону.

— Аллю, — отозвалась больничная трубка на радостный призыв Марины странно-грустным голосом мужа.

На слово “сын” он как-то вяло обрадовался. Марина едва различила печальную музыку, идущую из трубки. “Ромка почувствовал, что я умираю”, — подумала она, но продолжила разговор на мажорной ноте. Беседу они закончили вполне оптимистично. В тот радостный миг никто не знал, что в их жизнь пришла беда.

На следующий день соседка в палате рассказывала, как Марина потеряла сознание.

— Перестала подавать признаки жизни. Лежала вся белая, как простыня, нос заострился, словно не живая. Все сбежались, насовали кучу уколов в вену и повезли. А меня следом. — И добавила задумчиво: — Они тебя спасали, а ребёнка забыли...

— Маршалова. — вошедшая в палату врач назвала её фамилию. Глядя

куда-то в пол, она сказала, что ребёночек очень слаб, и стала спрашивать Марину, чем она болела в детстве. Ещё врач добавила, чтобы к ней зашёл кто-нибудь из родных. А швы, наложенные ночью, снимут через несколько дней.

Роман сидел в вестибюле роддома с отстранённым, невидящим взглядом. Она приковывалась — нормально ходить ещё не могла — и попыталась отразиться в его глазах, но муж отводил их в сторону.

— А что тебе сказала врач? — Марина огорчённо вздохнула.

— Ничего особенного. Никитка слабым родился, и вам надо ещё побыть в санаторном отделении больницы.

— Побудем... — ответила она удивлённо. — А почему ты грустный? Что случилось?

— Да на работе неприятности. — Рома потер лицо руками.

Врач не велела говорить жене, что у их ребёнка тяжёлая болезнь — гидроцефалия. Ведь от переживаний могло пропасть молоко.

Марина, впервые оставшись наедине с сыном, боялась, что он закричит, а она не сможет его успокоить. Опасалась взять Никиту на руки или перепеленать, казалось, обязательно у этой крохотули что-нибудь сломает. Вдобавок она испытывала некий священный трепет перед своим младенцем и даже готова была преклоняться перед ним, словно перед живым чудом.

Скажите... Как? По сути, из ничего, из взаимного безразудства, и вдруг живая душа: эти пальчики, крошечные пятки, носик... Лицо — миниатюрная копия Маршалова, один в один, только с её губами. Потрясение — видеть свои губы со стороны, на другом... твоём сыне. Марине становилось даже страшно от неостижимости тайны человеческого сотворения.

В санаторном отделении палата оказалась на первом этаже, они с Никитой были одни в боксе. Белый, в трещинках потолок, крашеный скрипучий пол, стена в коридор — наполовину из стекла — словно в аквариум посадили. В огромное окно, как из картины, смотрел на них пёстрый осенний сад. Рядом, за стеклом — рябина раскраснелась, как застенчивая девушка.

Роман сразу сообразил: раз первый этаж, значит, можно влезть в окно. Сумеречным вечером они, вытянув ноги, сидели на полу под столом — так их не было видно в стеклянные стены палаты. Марина прижалась к мужу, и наконец-то за дни больничных безумств и потрясений ощутила покой. Возможно, впервые она чувствовала, что становится с ним одним целым. Хотелось совсем влиться в Рому, чтобы он забрал её из этого горького места и спрятал от необъяснимого страха, который начал поглощать Марину.

— Приходила новая врач, Роза Моисеевна. Она сказала, что нам надо отдохнуть, и главное — не волноваться.

— Это правильно, — согласился муж.

Прозрение пришло на следующий день. Марина пожаловалась молодому врачу (наверное, вчера из института), делавшему обход, что у сына появились на нёбе белые пятнышки.

— Ничего страшного — это молочница, — ответил он. — Сестра помажет рот зелёнкой, и всё пройдет.

Зелёнка оказалась для Никиты назначением роковым. После всего случившегося врач уверял, что зелёнка практикуется во всех родильных домах у отказных детей и ничего страшного не бывает. Вероятно, этот ребёнок оказался необыкновенным.

Татьяна Фёдоровна, пожилая медсестра, принесла с собой в палату лёгкий аромат лекарств, открыв Никите рот, стала мазать нёбо ватой с зелёнкой. Лицо Никиты сначала выразило непередаваемое словами изумление, а через секунду он испустил ультразвуковой визг, отчего задрожали перепонки.

Татьяна Фёдоровна ушла. А Никита продолжал громко кричать, затем его вырвало зелёным. Он никак не мог успокоиться — и через час продолжал плакать. Марина кружила своего младенца по комнате, пытаясь петь, обычно он прислушивался, а сейчас рыдал в ответ. Отказался брать грудь и есть. Личико сына покраснело, а потом стало синеть, и вдруг Марина увидела, как его глыбное яблоко стало уходить под нижнее веко. У неё похолодела спина, а пол начал качаться под ногами. Марина бросилась к медсестре, та опять пришла в их бокс.

— Что это он так раскричался? — удивилась Татьяна Фёдоровна. — У отказников зелёнка — обычное дело, и ничего такого не бывает.

“Бедные отказники... Дети-то ведь все разные”, — подумалось Марине, но тут же вспомнила о своём ужасном открытии.

— У него с глазами что-то происходит...

— А что ты хочешь? Симптом заходящего солнца. Это же гидро-це-фа-ли-я, — сказала она по слогам.

— Что это такое?.. — ошеломлённо переспросила Марина.

— У твоего сына будет расти голова, потому что вода из мозга не уходит. — Татьяна Фёдоровна, говоря это, засмотрелась на деревья за окном. Все словно сговорились прятать от неё глаза.

— А дальше что будет? — Марина затравленно посмотрела на старую женщину, бесстрастным голосом сообщившую страшный приговор.

— Это Один Бог знает.

Они с Никитой не спали до глубокой ночи. Маленький плакал, не брал грудь, а Марина металась по боксу, как раненая тигрица, требуя к себе хоть кого-нибудь.

Наконец пришла незнакомая врач.

— Эта зелёнка ему все сожгла! — чуть ли не плакала Марина.

— Видишь, что у него со зрачками? При чём тут зелёнка? Это болезнь такая, — ответила медик сердито.

— Он три кормления уже пропустил. У вас зонд есть?!

— Нету зонда. Пробуй его из пипетки кормить, не могла додуматься, мамаша. Пипетка у тебя есть? Рожают в пятнадцать лет, куда торопятся? — сказала она, строго глядя на Марину, а та в ответ вздёрнула упрямый подбородок:

— Мне уже двадцать два. Пипетка есть.

— Ну, давай, действуй.

С большим трудом удалось-таки покормить маленького из этой самой пипетки. Но сын ещё время от времени громко всхлипывал и даже постанывал. Спал он тяжело, иногда вскрикивал и начинал тихо плакать.

“Жизнь у него только началась, а уже такие страдания”, — с тоской думала Марина, глядя на сына. Ненадолго забываясь тяжёлым сном, она вдруг просыпалась, вскакивала и бежала к младенцу, послушать, дышит ли он. Её сводила с ума мысль, что мальчик может умереть. А под утро стало казаться, что у него действительно несколько увеличилась голова. Наконец Марина изнемогла и крепко уснула. Днём Никита успокоился и начал есть, осторожно захватив её грудь. Было видно, что ему больно глотать. Однако ночные кошмары ушли вслед за тьмой.

Когда вечером Рома постучал в окно, Марина даже испугалась. Она чувствовала себя почти преступницей. Оказавшись под столом, Ромка загадочно сказал:

— Закрой глаза.

Через секунду на пальчике Марини появился золотой перстень. На витиевато переплетённой золотой решётке, поднимавшейся вверх пирамидкой, светился, как аленький цветочек на клумбе, сиренево-розоватый самоцвет.

— Смотри, как изменился. Днём камень был изумрудным. Это александрит, — пояснил Рома, — выбрал к твоим коловратным глазам. Ты не знаешь: они у тебя постоянно меняют цвет.

Марина недоверчиво покачала головой.

— Я же вижу. Они у тебя бывают жёлтые, зелёные, как у кошки, карие... Сейчас почти чёрные, — он поцеловал её глаз. — Ты, наверное, колдунья? Мужики вокруг тебя ходят, как заворожённые.

Марина тяжко вздохнула:

— Потому что они дурачки...

Было совсем не до смеха, но она всё же пошутила в ответ:

— Мужчины — хвастуны и фантазёры, в кого только они нас не превращают...

— Вспомни, мы с тобой сидели тогда, вечером, ты говорила и смотрела на стакан с чаем, а он поехал по столу, — не унимался Ромка.

— Это у Тарковского стаканы взглядом двигают... А у нас стол неровный, мой дорогой. — Марина обняла мужа. — Мне очень нравится твой подарок.

— Это тебе за Никиту.

Она опустила голову и едва слышно произнесла:

— Наш сын болен.

— Я знаю, — ответил муж. — Тебе кто это сказал?

— Медсестра.

— Понятно. А мне врач... Это тяжко.

Заметив, что у Марины задрожал подбородок, покачал головой:

— Девочка моя, плакать нельзя... А болезни должны лечиться.

Марина встрепенулась и подумала: “Маршалов умный, он наверняка всё узнал”.

— От тебя нужно, чтобы он быстро рос. Ну... опережая свою голову. Бывает, они её перерастают. Если это дрянь неокклюзивная... — Рома вздохнул. — И чтобы развивался умственно. Поняла? Молоко береги, корми его больше.

— Это он любит, — улыбнулась Марина, с уважением глядя на мужа. — Едим весь день напролёт.

— Мы придём к счастливому концу, — сказал он и вдруг, криво усмехнувшись, добавил: — Не бойсь, со мной не пропадёшь, но горяхватишь.

Марина терпеть не могла эту ухмылку, словно кто-то чужой проявлялся в дорогих чертах. Но сейчас не обратила на неё внимания. Получив инструкцию к действию, она почувствовала, что свернёт горы: “Мы выздоровеем!”

— А родителям что скажем? — глаза Марины испуганно округлились.

— Не бойсь. Это я беру на себя.

Глава 2. “Что же вы, голубушка...”

Утром светло-сиреневый цвет перстня превратился в изумрудный. Марина стирала пелёнки в раковине, прикреплённой к стене палаты, и любовалась искристыми ответами ровных граней драгоценного камня. Стирка с дивным украшением на пальце оживляла большую серость и даже приносила удовольствие. От родителей-”семидесятников” Марина с младенчества усвоила, что золото — презренный металл. В их доме предметы “мещанства” — хрустали, дорогая бижутерия, ковры с марокканскими узорами — не водились, и стенка была только шведская. Однако подарок мужа пришёлся Марине по душе. Подобного ей, кроме обручального кольца, никогда не преподносили.

— Здравствуйте! Как вы себя чувствуете? — В палате бесшумно появилась Роза Моисеевна.

Марина вздрогнула от неожиданности.

— Мы пережили катаклизм. — Она выключила воду и непроизвольно стала нервно крутить свой перстенёк.

— Что же вы хотите? — развела врач руками. — У вас такая болезнь... Знаю, вам Татьяна Фёдоровна уже всё сказала. — Тут она обратила внимание на драгоценность, посмотрела Марине в глаза и чуть усмехнулась.

Марина, глянув на камушек цвета изумруда, смутилась его неуместностью, и тихо спросила:

— Как вы будете нас лечить?

Врач подошла к кровати, велела взять ребёнка и перенести на пеленатор. Там Роза Моисеевна обследовала Никиту, который от различных манипуляций тихо покряхтывал и с удивлением всматривался в неё.

— Мы назначим мочегонные, противовоспалительное, разумеется, диакarb, ну, и витамины... Пролечим, а потом вы пойдёте домой, — улыбаясь, отвела Роза Моисеевна.

— Почему домой? А что мы там будем делать? Без лечения мы ведь можем умереть... — Марина в сильном волнении вновь стала энергично вращать на пальце кольцо.

Роза Моисеевна несколько вопросительно переводила взгляд то на её руки, то в испуганное лицо, слово задумавшись. За последнее время Марине впервые смотрели прямо в глаза.

— Не волнуйтесь так, дорогая. Я зачем вас сюда направила? Отдохнуть... А вы нервничаете. У вас должно быть молоко — это для него лекарство. Умереть с таким диагнозом и здесь не мудрено.

И добавила, делая ударение на слово “можем”:

— Но мы можем отправить Никиту в наш областной институт на обследование. — Тут она выразительно посмотрела на золотой перстень.

Однако Марина ничего не заметила и, протянув к ней руки с самоцветом, сказала с мольбой:

— Мы очень хотим в институт. Помогите нам...

— Договорились. — Врач, полюбовавшись перстнем, удовлетворённо посмотрела на молодую женщину. — Позвоню туда, когда вы перейдёте в детское отделение. А сейчас отдыхайте, дорогая.

Роза Моисеевна тихо вышла. Оставшись одна, Марина растерянно собрала постиранные пелёнки и засунула их обратно в пакет с грязным бельём. Прошла несколько раз по комнате, стала рассматривать в окне “костёр рябины красной”, затем, словно опомнившись, подошла к детской кроватке. Её сын радостно взмахивал руками.

— Никита! Ты слышал, что они про нас говорят? Мы должны победить. Ты меня понял?

Младенец вскинул белёсые бровки и стал прислушиваться. Марина взяла на руки тёплый живой комочек и почувствовала — это её счастье. Врачи и свои собственные слова о смерти сразу забылись: “Разве может с нами случиться что-то страшное? Никогда”.

— Ника! — Неожиданно для себя позвала она сына. — Справимся! Ника — это победа.

Пожилая санитарка привезла обед. Увидев на руке Марины перстень, сказала удивлённо:

— Это что, александрит? Вдовый камень, сними. Его в паре носить надо.

Марина промолчала, но в душе обиделась на старушку. Когда она пошла дальше, гремя своей тележкой, Марина тяжело вздохнула, поцеловала кольцо и положила его в бархатный футляр.

Вечером она пожаловалась мужу:

— Знаешь, наша санитарка сказала, что александрит нужно носить в паре.

— А я тебе присмотрел кулончик в виде сердечка. — Рома широко улыбнулся.

— Большое спасибо. — Марина провела рукой по его пепельным кудрям. — Знаешь, будет лучше, если кольцо полежит дома. Сам понимаешь, тут общественное место... Подари мне сердце золотое.

— С твоим ничто не сравнится... — Он поцеловал её ладонь. Марина с благодарностью обняла мужа, и ей опять захотелось в него спрятаться.

Поздно ночью они с Никитой, как всегда, питались. Малыш сосредоточенно, словно совершая важную работу, сжимал губами её грудь, иногда чмокал, стараясь втянуть в себя больше молока. Он стал набирать каждый день по сто граммов веса и расти буквально на глазах. А у неё делалось легко на душе: “Всё у нас будет хорошо и отлично”.

Марина подняла голову, бросила рассеянный взгляд в окно и похолодела. Она бы крикнула от ужаса, но боязнь испугать ребёнка заставила молчать. С запотевшего стекла, покрытого тонкими струйками капель, на неё смотрели два глаза, вставленные в лицо с искривленным полуоткрытым ртом. Когда их взгляды встретились, образина за окном вытянулось, как от испуга, и вдруг расплылась и исчезла, словно её размыло.

Подобный страх Марина испытывала, читая в детстве сказки братьев Гримм. Она боялась снова поднять ресницы и смотрела на своего младенца. На эти глазки, носик, пухленькие щёчки; над переносицей между бровями заметила голубую жилку, — кажется, раньше её не было, — и так немного успокоилась.

Когда Никита уснул, Марина выключила в палате свет и пошла к медсестре. Дежурила опять Татьяна Фёдоровна.

— У нас кто-то в окно заглядывал... — Марина напряжённо ждала ответа.

— Это дядька больной подматривает. Бродит тут по вечерам, — ответила медсестра. — Он безобидный, не тревожься, — продолжила она нарраспев. — Ничего страшного.

Марина тут же, из медсестринской позвонила мужу и просила принести верёвку, чтобы повесить простынку — на окне не было занавесок. Ночью она долго не могла уснуть, прислушиваясь к шуму ветвей ночного сада.

В выходные приехали родители. Свекровь внимательно смотрела на спящего Никиту. Было заметно, что ей приятно такое сходство внука с сыном. Однако она не утерпела сказать:

— Мне говорили, что у него шеи нет, одна голова. А ребёнок нормальный.

Все напряжённо замерли. Папа ободряюще смотрел в глаза дочери, и лишь мама вымученно улыбнулась и проговорила:

— Марина, наверное, вам лучше вернуться в Москву...

— Не думаю. Врач пообещала, что отправит нас в областной исследовательский институт. Мы ещё здесь побудем.

Дальше бесстрастная память начала со скоростью киноленты прокручивать перед глазами больницы. Марина с порога детской палаты, куда их перевели, стала знакомиться с молодой женщиной в густой шапочке рыжих мелких кудрей.

— Надя! — приветливо улыбалась она. — Это твоё место... А здесь, — она указала на другую койку, — слава Богу, никого нет.

Марина положила спящего Никиту в железную, схожую с люлькой кроватку и побежала за вещами.

Вечером женщины пили чай с молоком, очень полезным для лактации. Надя, оказавшаяся смешливой, домовитой хозяйшкой, эмоционально рассказывала, как они с мужем-офицером живут у самой китайской границы. Когда повезли рожать, то Вова появился в машине “скорой помощи”. Всё произошло тяжело и неудачно, поэтому сынок получил в родах церебральный паралич: совершенное отсутствие каких-либо рефлексов (трудно было даже покормить), часто его всего выгибало, и по ночам он много плакал. Свекровь привезла их лечиться к себе домой в Подмоскowie.

Выслушав этот рассказ, Марина от печали решила доесть курицу. Кормящей матери всё время хотелось что-нибудь пожевать, особенно когда разволнуется. Рома каждый день приходил в больницу с неперемённым куриным бульоном и часто с цветами. Утром он ездил в Москву на работу, затем возвращался к жене и сыну, а по ночам варил бульон. От перенапряжения ему становилось легче — мозг уже ничего не генерировал. Лишь иногда с удивлением подмечал, что жена стала чудной: сама некрещёная, но то и дело восклицает: “Боже мой!” — или же начинает тьфукать через левое плечо и стучать по дереву.

Однажды он не выдержал:

— Девочка моя, ты чего барабанишь по стулу, как заяц?

В ответ она испуганно смотрела мужу в глаза: чувствовала себя виноватой. Она только сейчас начала ценить благородство этого человека: Рома ни разу не попрекнул её случившимся.

Марина за день тоже сильно уставала от процедур, обходов, кормлений, гуляний, а по ночам — стирки пелёнок. В то же время чувствовала, как в ней просыпаются неведомые силы. С детства привыкшая слушаться родителей, сейчас она всё решала сама, иногда реагировать приходилось мгновенно. В ответ на невзгоды Марина не юнилась, частенько они с Надей обменивались шутками и тихо смеялись. Надюша ещё и петь любила. По вечерам, баюкая Вовчика, она раскачивалась на панцирной сетке кровати и вместо колыбельной тянула: “А нынче нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!” — младенец мгновенно засыпал.

Марина слушала её душевное, но очень домашнее исполнение и ни разу не сказала, что умеет петь профессионально. В последнее время она открыла в себе много нового. Так, после очередной “опечатки” судьбы, с удивлением замечала, что с каждым разом становится спокойнее, даже, можно сказать, умиротворённое.

Некоторые мамочки, узнав про болезнь её сына, начинали жалеть, примерно так: “Ну, если даже умрёт, ты же молодая, ещё нарожаешь”. Марина внутри холодела от таких “утешений”, она ни на мгновение не допускала мысли, что ребёнок может умереть. “Ведь они сами недавно рожали! А если бы про их ребёнка сказали такое?!.. Но, конечно, я вспыхнула, — осаживала себя Марина. — На самом деле они добрые, сочувствуют мне, не понимая, что этими словами делают больно. Зато пелёнки полощут или гладят. А медсестра старается найти иглу потоньше, у нас болочные уколы”. После таких мыслей она больше не обращала внимания на обидные слова и неловкие взгляды. Словно поднялась над всеми этим вздором, обретя силы и понимание иных смыслов бытия.

Лишь иногда, “в минуты роковые” её душа проваливалась во тьму. Однажды, идя после ночного кормления в душевую с тазиком грязных пелёнок, Марина подняла глаза от пола и увидела, что впереди идёт некто в белых развевающихся одеждах. Похолодев, она быстро отвела взгляд и вдруг с ожесточением, даже злостью подумала, что если ребёнок умрёт, то им с Ромкой нужно расстаться — не судьба. А когда вновь вскинула ресницы, в коридоре никого не оказалось.

Утром, поднявшись с постели, она с тоской и страстью стала всматриваться в своего спящего мальчика. В душе Марины зашевелился хаос: из бездны неосознанного поднималась не подвластная ей тёмная сила. Она чувствовала, что готова пойти за сына на любую жертву, если надо, то умереть, и даже, наверное, сделать нечто ужасное, лишь бы осталось жить её последнее слово. “Как я без тебя буду?! Не уходи!” — задышалась она в безмолвном отчаянии.

Никита, словно почувствовав безумство матери, вдруг тихо вскрикнул и заплакал.

— Не смотри так на него, мне страшно! — Надя шла к своему сыну с бутылкой детской смеси, но, увидев лицо подруги, на мгновение испуганно остановилась посреди комнаты и заговорила твёрдым речитативом:

— У нас здесь очень душно... После завтрака мы все пойдём на улицу... Проветрим палату.

Марина опустила глаза и отошла от колыбельки.

Рома купил им коляску, и они ездили в “собственном экипаже” по больничному саду, к сожалению, стремительно теряющему былую красоту. В эту ночь случились первые заморозки. Пожухлую траву и опавшие листья покрывала бахрома инея. Прощай, осень... На прогулке Никита катался с Вовчиком наперегонки, Надя смеялась и пела.

Когда, нагулявшись, они вернулись обратно, оголодавший Никита сразу заверещал. Это был его коронный ультразвуковой визг, от которого в голове начинался звон.

— Ой, Никитка, не пищи так, я оглохну. — Надя закрыла уши. Тут громко заплакал Вовчик. Поднялась суматоха.

Марина заметалась по палате. Перед кормлением надо было вымыть грудь, и она решила успокоить Никиту соской. Хотя маленький никогда не признавал её и обиженно плакал, когда Марина пыталась засунуть ему в рот пустышку. Оберегая сыновью свободу, она не настаивала, тем более соска и не пригодилась, ребёнок был спокойным. Получив вместо молока обманку, Никита завизжал ещё сильнее. А через миг выхватил её изо рта и возмущённо кинул на пол.

— Марина, ты видела? — Надя расхохоталась.

— Ага! А нас в идиоты записали.

Она крутанула ручку крана, находившегося в палате. Вода радостно полилась, а Никита вдруг перестал верещать, страшно удивился и повернул голову в сторону шумящего потока, внимательно его разглядывая. Раскричавшийся было Вовчик тоже затих: в палате снова воцарились мир и спокойствие.

Марина сообщила об этом случае Розе Моисеевне, но та покачала головой: — Дорогая, это ваше сугубо личное мнение. У таких маленьких детей ещё нет рефлексов. Уверяю вас, что брошенная соска — это случайность.

Марина в ответ пожала плечами. Опять её огорчили. Вдобавок любезная Роза Моисеевна никак не могла дозвониться в обещанный институт. Она загодично улыбалась и разводила руками:

— К моему великому сожалению, дозвониться никак не могу. Всегда занято...

Эти безнадёжные слова наполняли Марину тревогой. Надюша, всё время массирувавшая Вовчику ручки и ножки, подсказала, что надо постоянно учить Никитку бакать и букать.

— Он будет развиваться, — объясняла она, — а ты при деле.

— Ба... Бу... Ма... Па... Да... — нараспев повторяла Марина, склонившись над младенцем.

Никита удивлённо прислушивался и внимательно смотрел на маму. Его глазные яблоки иногда, как солнце, уходили за горизонт, потом появлялись вновь; малыш молчал.

Марина продолжала тихо повторять:

— Ма... па... да...

Под вечер его губы вдруг сложились неуверенной трубочкой и выдали звук:

— У-у-а... — А потом выдохнула: — п... п...

— Ты моя радость, ты моя сладость, — возликовала Марина и стала кружить младенца по палате. — Мы с тобой горы свернём!

Никита, глядя в повеселевшее лицо мамы, сделал попытку повторить его выражение и с усилием разводил губы. Вдруг в первый раз в жизни так хорошо и открыто улыбнулся во весь свой беззубый рот. Сердце Марины наполнилось ликованием.

Вечером подруги по установившейся традиции пили чай с молоком и обсуждали свои маленькие победы.

— Вы обязательно выздоровеете, — проговорила добрая Надя, — я в это верю. — Глаза её увлажнились.

Больничное время проходило быстро. Марина спокойно переносила все испытания, потому что её поддерживал сам младенец. Красивый мальчик, о чём говорили все вокруг и улыбались, излучал тёплый свет, отчего, посмотрев в его колыбель, мама сразу успокаивалась, и грустные мысли уходили прочь. Таким покоем веяло от этого ребёнка...

Между тем время шло, курс лечения приближался к концу. Роза Моисеевна временно ушла на повышение квалификации и почти не появлялась.

Главная медсестра отделения Марья Дмитриевна, следившая у них за порядком, часто спрашивала и вздыхала:

— Когда же вы поедете в институт? Время-то идёт. Операцию нужно делать.

Марина обмирала от её слов. Но кроме пожатия плечами, ответить ничего не могла. Однажды к ним в палату вбежала взволнованная Марья Дмитриевна:

— Марина! Я сама дозвонилась в институт... Собирайся, на всякий случай. Они уже к нам едут.

Марина с Надеей охнули и закружились по палате.

— Так... Ты все вещи не бери, а только необходимое, — как всегда, командовала Надежда — офицерская жена.

— Сумки Роме вечером отдашь, — согласилась Марина.

В сестринской тоже начался переполох, потому что врача нет, историю болезни найти не могут, а из Москвы уже выехала "скорая помощь".

Когда всё более-менее было собрано, в палату плавно, как бригантину по лону вод, вильнула крупная, привлекательной внешности блондинка в белом халате и громко назвала её фамилию.

— Это я! — отозвалась оробевшая Марина.

— Меня зовут Екатерина Павловна, я — консультант. Мы приехали из Москвы по вызову вашей больницы.

После осмотра Никиты врач пригласила Марину в кабинет заведующей. Вдруг на пороге палаты появилась встревоженная, кажется, даже запыхавшаяся Роза Моисеевна. Для неё это событие стало полной неожиданностью. Роза Моисеевна отозвала приехавшую великолепную даму в коридор, где у них произошла короткая беседа.

В кабинете заведующей в просвете неплотно задернутых штор было видно, как короткий осенний день переходит в вечер. На столе горела казённая лампа с железным колпаком. Блондинка воссела у стола рядом с лампой, а Марина опустилась на краешек табурета напротив неё.

— Вы наркотиков не употребляли? — спросила она, чему-то улыбаясь.

— Нет. — Марина опустила глаза.

— Курили, выпивали?

— Если только бокал шампанского, но это не возбраняется.

— Что вам сказать, Марина Владимировна... — Врач опять улыбнулась. — Вы сами знаете диагноз своего сына... — Тут она замолчала и посмотрела Марине прямо в глаза, а затем медленно проговорила: — А вы никогда не думали сдать его в специнтернат?

Неожиданный вопрос был задан в лоб. Мать смотрела на врача в упор и молчала. Удивительно, но у впечатлительной Марины ни одна черта не дрогнула на лице, возможно, она впала в протрацию и была убийственно спокойна, как изваяние.

Выдержав паузу, Екатерина Павловна продолжала мажорным тоном:

— У вашего сына скоро станет вот такая голова! — показала она, разведя руки на метр. — И вот такое тело... — Тут она свела ладони почти вплотную. — Если он останется жить, то вырастет дебилом. Помочь мы вам ничем не сможем. Зачем вам всё это надо?

Слова специалистки не укладывались в сознании Марины. Она отрешённо смотрела на накрашенные губы блондинки. Затем её внимание сосредоточилось на золотом зубе сидящей перед ней красавицы. При каждом слове или улыбке в нём отражался свет железной лампы, отчего зуб вспыхивал ярко, как прожектор. Марина в застывшем недоумении следила за этими золотыми вспышками. Вновь повеяло страхом историй братьев Grimm... Чтобы как-то защититься, она тоже машинально стала улыбаться.

Переведя взгляд с искрящего золотого зуба в васильковые глаза врача, Марина подумала: “За что эта женщина так меня невзлюбила? — Но тут у неё появилась догадка: — А может, она считает, что предложением подлости делает мне благо?... Мир сошёл с ума”.

Блондинка напряглась:

— Вы меня поняли? — спросила она немного обиженно. Врач ожидала по крайней мере хотя бы слёз, скорее всего, истерики, возможно обморока, но странная мамаша, глядя на неё, тихо улыбалась.

Вдруг Марина услышала свой собственный спокойный голос, словно это кто-то другой произнёс:

— Поняла. Это всё мне уже говорили, — на самом же деле такое предложение она получила впервые. — А лечить мы его как будем?

С удовлетворением заметив промелькнувшее раздражение на красивом лице врача, Марина почувствовала себя совсем взрослой.

— Так вы что же, поедете в Москву? — уже с видимой досадой спросила Екатерина Павловна.

— Ну, а как же иначе? Нам лечиться надо. Болезнь тяжёлая...

— Договорились. Собирайтесь, сейчас отправимся.

В палате, не отвечая на вопросы собравшихся мам, Марина, отрывав накатившее отчаяние, начала быстро пеленать Никиту.

К ним заглянула Роза Моисеевна. Увидев её заплаканное лицо, веско проговорила:

— Да, там не церемонятся. Это я тут с вами нянчусь. Ну, теперь вы всё узнаете. — Постояв с минуту, она удалилась.

Марина, умывшись холодной водой, молча взяла сына, Надюша подхватила сумки, и они пошли к выходу из больницы.

У дверей стояла Роза Моисеевна, консультант уже сидела в машине. На прощание, как всегда, обворожительно улыбаясь, она сказала.

— Ну что же, голубушка, поезжайте, конечно. Но я знаю, что вы всё равно к нам вернётесь.

— А я не знаю... — отозвалась ей эхом Марина.

Глава 3. “Почему ты все время уходишь?..”

В машине “скорой помощи” Марина смотрела на спящего Никиту и думала, что нужно всеми силами потерпеть эту странную блондинку: “Нам необходима операция”.

Областной институт вмещал в себя большое количество серых зданий, где изучались и лечились особые случаи патологий. Оказавшись в дверях очередной больничной палаты, только с более высокими потолками и широкими окнами, она обвела быстрым взглядом её обитателей, улыбнулась и представилась:

— Марина.

— Наталья, из Подольска, — отозвалась женщина лет тридцати двух с синими глазами и чёрными волосами с короткой стрижкой, слегка взбитой начёсом. На руках она держала такую же голубоглазую девочку-тростинку, как потом узналось, — Алёну. Взгляд малышки рассеянно блуждал по комнате, и было непонятно, видит ли она вас, когда смотрит в упор.

— Оля, — улыбнулась в ответ молоденькая русоволосая женщина, видимо, ровесница Марины.

— Это ваша кровать, — плавно указала она рукой на место дислокации Марины. — Точнее, она для ребёнка, матерям койко-место не полагается. Однако ничего, мы вместе с детьми спим. А у вас с младенцем вообще не будет проблем. Тут есть только одно “но”: иногда надо полы мыть по вечерам в холле.

— Мы обязательно созвонимся с вами, — продолжила она прерванный с Натальей разговор.

“Чудеса в решете: институт большой, а спать мамашам негде”, — думала Марина, раздевая Никиту и раскладывая в тумбочке свои вещи.

Вдруг в палату быстро вошла новая врач с порывистыми движениями, казалось, что она куда-то торопилась и заскочила на минутку.

— Вы Марина Маршалова? — спросила она быстро.

— Да.

— Я ваш лечащий врач Галина Сергеевна. Завтра мы вашего ребёнка посмотрим и всё расскажем.

— Благодарю вас. — Марина улыбнулась как можно приветливее, она понимала: начальница у неё блондинка, и надо быть осторожной.

Институт остался в жизни Марины беспробудным страшным сном. Здесь она повидала виды. В соседней палате лежал мальчика лет девяти с чудными глазами и доброй улыбкой, но скрюченными руками и ногами. Ей рассказали, что Дима до недавнего времени был здоровым ребёнком: отличником. Папа — большой начальник. Однажды мальчику сделали прививку в школе, наверное, при температуре — результат оказался ужасен.

По коридору ходила другая женщина с девочкой лет четырёх. Малышка беспрерывно взмахивала руками, словно хотела улететь. Марина узнала, что им с сестрой-близняшкой в садике одновременно сделали прививки. Одна девочка — как ни в чём не бывало, другая перестала узнавать родных.

Марине всю жизнь делали прививки, но она ни в садике, ни в школе никогда с такими метаморфозами не встречалась. “Неладно что-то в датском королевстве...” Какие странные начались времена, и почему всё так плохо в нашей медицине?” — сокрушалась молодая мама.

Соседка по кровати, Оля, в тот же день ушла домой, вместо неё появилась другая женщина — Тамара с малышкой Лерой, у которой выгибались ножки в коленках.

— Всё было нормально до трёх лет, — басила мама Тома. — А потом смотрю: хромать стала. Ни фига себе, твою дивизию...

Марина, услышав про дивизию, вспомнила свою Наденьку из подмосковной больницы и поинтересовалась:

— У вас муж офицер или в военной части работаете?

— Да ты чё? Я в универмаге “Москва” пашу. Хотя там точно, как на поле боя, — расхохоталась Тамара.

Глядя на институтских мамочек, Марина поняла: бед на всех хватает, и вновь приготовилась к борьбе.

На обходе Галина Сергеевна сказала, что Никите сделают ряд обследований, возьмут пункцию и покажут нейрохирургу.

При слове “хирург” Марина напряжинилась.

— И, собственно, мы вам ничего больше сделать не сможем. Помочь тоже, — покачала головой Галина Сергеевна.

— Нам нужна операция? — Марина, словно подсказывая, вопросительно подняла брови.

— Скорее всего... — неопределённо ответила Галина Сергеевна.

Она тут же перешла к кровати мамы Тома, заговорив о Лерочке. После их беседы грузная Тамара вдруг, как огромная кошка-пантера, мягко и плавно выскользнула за вращаемым в коридор.

— Не подмажешь, не поедешь, — сказала она, возвратившись, и подмигнула Марине, но та смущённо отвела глаза.

Она уже слышала, что здесь в институте за лечение необходимо подносить врачам дары. Однако, во-первых, она не умела этого делать, а во-вторых, казалось, что сие выглядит неэтично. Да и к слову, возможно ли за мзду получить здоровье? Если только привилегию в очереди на приём...

Марина собралась подумать об этом в свободное время, но его не было. В конце концов, она решила оставить эту проблему Роману: “Маршалов всё сделает”. Но на просьбу Марины передать врачам дары он ответил: “Поживём — увидим, девочка моя”. Родителей они решили в эти дела не посвящать. Отец Марины сильно заболел (от неё скрывали, что это был обширный инфаркт), а мать Ромы на всё происходящее реагировала резко, слово Марина нарочно устроила такую нервотрёпку.

Марина с удивлением замечала: в институте мамы, несмотря на тяжесть их бытия, приветливо улыбались миру и друг другу. Сама она уже научилась спокойно принимать удары судьбы и, отстраняясь от происходящих событий, смотреть на них словно бы со стороны, но не печалиться при этом не получалось. Однако, попав в “заговор улыбок” теплого женского “братства”, заботливого и сочувственного (зачастую в страдании в женщинах проступают лучшие черты натуры), Марина непроизвольно и сама стала улыбаться. Это вовсе не было порывом отчаяния: “Всем смертям назло!” Нет, всё получалось органично и непринуждённо, возможно, в ней, как в озере, отражались чужие приветливые взоры, и она тихо радовалась им в ответ, хотя сердце и томилось болью.

Тут время летело, как ужаленное. В один мало прекрасный вечер подошла очередь мыть полы. Они с мамочкой из соседней палаты сначала навели чистоту в огромном холле. Затем принялись отмывать швабрами высокие ступени массивной лестницы, поднимающейся вверх квадратной спиралью. Далеко за полночь увидели, наконец, долгожданную вершину — небольшую площадку, где начиналась пожарная лестница, конец которой терялся высоко в темноте. Марина, еле неся большое ведро, стала спускаться, тяжело преодолевая высокие ступени, мысленно заставляя себя идти. Затем поплелась мыться, где под душем с удивлением заметила, что вместе со струями воды по телу небольшими прядями стекают на пол её роскошные волосы.

Утро выдалось хлопотливым. Никиту унесли делать пункцию. Марина сидела, вжавшись в железную сетку кровати, и с тоской смотрела, как облетевшие деревца за окном покорно гнутся под напором холодного осеннего ветра.

Лерочка пыталась отобрать плюшевого мишку у Алёны, но та стала громко протестовать и грузно села на свою игрушку. Лера, недолго думая,

укусила Аленушку, и малышка громко заплакала. Мамы бросились к своим девочкам. Наташа стала успокаивать дочь, а Тамара выговаривать:

— Ты что же это кусаешься? Ты её старше, понимать должна. Твою дивизию...

В дверь постучали и внесли в одеяльце спящего Никиту. Марина замерла: личико сына стало белым, словно у него вышла вся кровь. Взяла руку: она была холодной и безжизненно упала на подушку. Не вынесла этого ужаса, зарыдала, целуя сына.

— Ника, проснись! Ты меня пугаешь? Я так устала... Что же это?.. Как неживой.

Её страдания вызвали цепную реакцию: в палате начался великий плач.

Наталья причитала над ошеломлённой Алёной:

— Ты только начни ходить, я за тобой поползу... Бабы аборт делают, а потом рожают. Хоть бы хны... Я ни разу. И это почему же... А?..

Мама Тома рыдала о своей незадавшейся жизни:

— Ведь одна я на свете!.. Родила себе доченьку — и на тебе! Твою дивизию... — Лерочка, глядя на маму, тоже заплакала.

Продолжалось это безумие недолго. Иногда так бывает в природе: налетят вдруг тучи с порывами ветра, хмарь опустится, всё вокруг заволнуется, зашумит, дождь начнёт лупить по взбаламученной листве. Но через несколько минут тучи разойдутся, как не бывало, и в мире опять наступает тишина.

Первой опомнилась Наталья:

— Хватит! Девки, замолкли!

А потом грозно обернулась к Марине:

— Чтоб больше ты не смела завывать! Поняла? Нам нельзя... Поняла?! Детей пугаешь, они и так... — Наталья остервенело смотрела ей в лоб.

Марина вжала голову в плечи. Мгновенно всё вокруг успокоилось. Врача палата встретила в полной тишине. Галина Сергеевна даже не взглянула на спящего Никиту.

— Диагноз ваш подтверждён. Лечение проводилось правильное. Больше помочь, как я уже сказала, мы не можем.

— Мальчика хотел осмотреть нейрохирург, — парировала её слова Марина.

— Да. Но нам сначала надо поговорить с вашим мужем, — возразила врач.

Марина удивлённо подняла свои красивые брови, но кивнула в ответ и спросила:

— Когда?

— Завтра в одиннадцать, — ответила Галина Сергеевна и повернулась к ней спиной.

Вечером Марина передала их разговор Роме. Они, пригорюнившись, сидели рядом с вешалками гардероба.

— А зачем я ей понадобился? — удивлённо спросил муж.

— Я тебе говорила, что тут полагаются врачам дары. У нас ведь ещё остались деньги от свадьбы?

— Милая моя, ну, я так не могу, противно моей натуре. То, конечно, не комсомольская дурь. Понимаешь, маманя не приучила взятки втихивать... В нашей семье не принято...

— А у нас так вообще золото — презренный металл, — согласилась Марина. — Но мы должны спасти Никиту.

— Понимаешь, не денег жалко. Тут принцип. Меня просто тошнит. Представь, ты купила билет на поезд, а тебя проводница в вагон не пускает: взятку подавай, вишь ли... У врачихи-то зарплата есть, а ей ещё — дары борзыми щенками. Денег мало? Меняй профессию, тётенька.

— И как же клятва Гиппократата? — поддакнула Марина.

Рома погладил её по голове:

— Девочка моя, я тебя и люблю за наивность.

В палате Марина опять подняла этот вопрос.

— Люди не думают, что всё бумерангом возвращается... — ответила Наталья.

— А что тут такого? — возмущённо недоумевала громогласная мама Тома. — Врачи тоже люди. Почему им нельзя делать подарки? Они работают, стараются, зарплата у них маленькая, надо поддерживать.

Потом добавила нравоучительно:

— Профессия врача очень и очень тяжёлая, им витамины нужны, белки, жиры и углеводы. Иначе с делом не справятся.

Марина, вздохнув, подумала, что потом они подарков от всех подряд ждут, а что делать, если человек дать не может, но промолчала. Ночью она увидела сон, впоследствии свершившийся.

В палату струился яркий свет луны. Никита вдруг спрыгнул с койки, где они спали, открыл дверь и побежал в холл.

— Никита, куда ты? — испугалась Марина и бросилась за ним.

Младенец, быстро семеня ножками, устремился вверх, подскакивая, по самым ступеням лестницы. Марина неслась за ним: “Куда ты бежишь от мамы? Не пугай меня”. Но мальчик уже достиг верхней площадки, забрался на пожарную лестницу, с проворностью циркового акробата стал по ней карабкаться и скоро потерялся в тумане, клубившемся в вышине. “Ника! Ника! — рыдала Марина. — Почему ты всё время уходишь?”

Она подняла с подушки заплаканное лицо. Огромная луна излучала в окно свой холодный свет. Рядом спал Никита. Ручки у сына были тёплые, маленький кулачок он подложил под щеку и тихо посапывал.

“Как же здесь тоскливо, и сны такие же... — подумала Марина. — Быстрей бы домой”.

Утром она сообщила Галине Сергеевне, что муж придёт к ней, и с нетерпением ждала Маршалова.

Они встретились после одиннадцати. На её вопросы муж развёл руками:

— Прости, дорогая. Получилось, как в том анекдоте про лошадь: “Ну, не шмогла я...”

— Ты что, Рома? Как так?! — Марина едва сдерживала слёзы.

— Мне чуть не в лоб сказали, что надо платить, и я растерялся. Пока приходил в себя, появилась роскошная блондинка в мехалате, и передо мной вполне цинично произошёл разговор мимики и жестов. Она глазами спрашивает: “Даст?” — а наша мотает головой: “Нет”. Красавица исчезла... Меня злость взяла: девки обалдели, и я промолчал.

— В отпуск собираются на море... — заключила Марина и прибавила: — Бизнес на чужом горе — это омерзительно.

— Какие ты слова знаешь... — присвистнул муж.

— А я где учусь-то? — фыркнула она в ответ.

— Думаю: нейрохирург должен к вам придти в любом случае. Ты же говорила, что это входит в обследование. Так проси у него направление на операцию.

— Легко сказать, я их так боюсь. Кажется, они на меня смотрят, как на потенциальный труп для анатомического театра. — Марина поежилась.

— Ради нашего ребёнка тебе придётся постараться. Всё получится: твоим просьбам отказать невозможно. — Маршалов положил ей руки на плечи. — Дерзай, малыш.

Нейрохирург пришёл после обеда. Женщины готовились к его визиту всей палатой.

Пока молоденький врач обследовал Никиту, Марина смотрела на него в упор, пытаясь заглянуть в глаза.

— Нам нужна операция, вы же знаете, — жалобно проговорила она, наконец.

Хирург безмолвствовал, стараясь не смотреть на Марину.

“Накрутил бедолагу серпентарий”, — подумала она тоскливо.

— Ребёнка лечить надо, не так ли? — бесшумно появилась за его спиной Наталья, врач даже вздрогнул.

— Он такой хорошенький, улыбается всем, — подала голос из своего угла мама Тома и заулыбалась, изображая Никиту.

Нейрохирург отмалчивался.

— Мы видим, что это нормальный ребёнок, — грозно приступила к нему Наталья.

— Да. Нужна операция, — тихо согласился врач. — У нас таких не делают. Вам нужно в институт Бурденко. Сейчас выпишу направление.

Марина боялась верить происходящему. Она уже приготовилась, что их катапультируют назад впустую, и вдруг — чудо. Врач оформлял направление в знаменитый институт.

На следующий день их выписали домой. Марина решила, что события жизни её подбадривают, и она вновь стала победительницей в единоборстве с судьбой. Остальные женщины, получив полное моральное удовлетворение от всего случившегося, счастливо улыбались: знай наших!

Вечером дома устроили небольшой праздничный ужин. Два месяца Марина не была в их квартирке. Никита с удивлением знакомился с новой обстановкой. Запрокинув большую голову, долго рассматривал пёструю гардину на окне, затем переводил любопытный взгляд на шкаф, обои, потолок. А потом стал размахивать руками и “петь”: “Ба... ма... ау...”

— Весёлый парень! — Маршалов поставил для него пластинку с моцартовским “Юпитером”.

— Какие у него длинные пальцы, смотри. — Рома, держа Никиту на руках, показал его ладошку. — Он будет пианистом.

— А может, у него тенор? Как у папы? — Марина прищурилась. — Иногда он так визжит — и впрямь неповторимый альтино. А если серьёзно, он очень нежный, с тонкой организацией и камертоном отзывается на все наши эмоции.

За ужином Марина призналась, что волнуется из-за института Бурденко.

— Возьму все наши деньги и отдам им, только бы сделали операцию. Я устала бояться, что у мальчика голова станет огромной. Кажется, у меня самой на плечах вырастает кочан капусты.

— Здорово, скоро у нас будет два головастика, — отшутился Маршалов. — Завтра схожу с направлением в институт и всё тебе расскажу.

На следующий день он докладывал, что их направление приняли и записали к доктору медицинской наук Эльнеру Александру Матвеевичу.

— Плохо только, что приём назначили на 6 ноября. Это перед самым праздником, значит, будет короткий день. — Маршалов потёр переносицу. — Да ещё в этом году семидесятилетие Октября. Москва кипит, круговерть всякая, иллюминацию делают, к огромной демонстрации готовятся.

Услышав это, Марина нахмурилась.

— Ладно, не горюй, малыш, — успокоил её муж, — на всякий случай поедем пораньше.

Через неделю Никита в красивом чепчике, Марина в кожаной жилетке, а Ромка в новых джинсах adidas явились в кабинет пожилого доктора.

Александр Матвеевич посмотрел на них поверх округлых стёкол очков и мягко, по-доброму улыбнулся.

— Садитесь, пожалуйста, рассказывайте, — сказал он и стал что-то писать.

Марина изливала свою душу, Рома поддакивал, а доктор кивал головой и записывал.

По ходу рассказа она ободрилась, потому что не задавались обычные в последнее время вопросы: курила ли она, пила, кололась, а ещё про бедных кошек и собак, что вызывают токсоплазмоз, пагубный для плода.

Доктор только слушал и улыбался. Потом позвал свою ассистентку Татьяну, и они вдвоём стали обследовать Никиту. Марина внимательно смотрела на белые большие и мягкие руки врача.

— Он у нас любит музыку, — сказал вдруг Рома. — Особенно “Юпитер” Моцарта.

— Подумать только... — заметил доктор.

— А мне кажется, что ему больше нравится Песня ангелов из его Шестой симфонии, — возразила Марина. Ещё она хотела добавить, что Никита совсем не принял Высоцкого: слушая “Коней...”, сын закинул голову, сморщился, и страдание проскользнуло в его гримаске недовольства, но не решилась.

Доктор согласился с обоими родителями, а его ассистентка Татьяна заулыбалась.

Закончив осмотр Никиты, который тот выдержал со спартанским хладнокровием, доктор вернул младенца и попросил родителей немного подождать, стал что-то записывать, а потом заговорил тихим, успокаивающим голосом:

— Это, безусловно, наш пациент. Операционное вмешательство ему необходимо. Эти операции мы делаем уже пять лет, вполне успешно. Только не в самом институте, а в нашем филиале, в детской больнице, метро “Сходненская”. Мы сейчас напишем вашему Никите туда направление.

Марина вскочила со стула и от радости ринулась пожимать доктору руку. За эти страшные месяцы впервые ей сказали ободряющие слова и ни в чём не обвиняли. “Напьются, обкурятся, а потом идиотов рожают...”

— Я думаю, что всё у вас совершится благополучно, — ответил на этот детский порыв радости доктор Эльнер.

Тут Марина и вспомнила о деньгах.

— А больше нам ничего не надо сделать? — спросила она, выразительно глядя доктору в глаза.

Он немного призадумался.

— Надо. Самое главное, вам нельзя заболеть простудой. Тогда операцию придётся отложить, — ответил он серьёзно, развёл руками и покачал головой.

Приём был окончен.

Пока Роман ловил такси, в коридоре перед кабинетом ассистентка Татьяна утешала Марину:

— Не переживайте, Марина! — восторженно восклицала она от избытка эмоций. — Ваша операция пустяк, если посмотреть, на те, которые у нас делают. Подумайте, что легче: нарыв вскрыть или палец отрезать. Так вот, у вас просто нарыв. Всё очень даже хорошо получается.

Марина, чуть не плача, любовалась этой доброй девушкой.

— А я сейчас на свидание иду! — объявила Татьяна. — Решили погулять перед праздником.

Однако время быстро текло, а мужа всё не было.

Быстро смеркалось. Рабочий день закончился. Мимо них, попрощавшись, отправился домой доктор Эльнер. Марина волновалась:

— Я спущусь в вестибюль и подожду там.

— Не надо. — Татьяна удержала её за руку. — Он подождёт. Пусть привыкает. Ведь я же врач.

Роман, наконец, вернулся раздражённый.

— Не поймал такси. Все — мимо, как сговорились. Придётся в метро ехать.

— Досада... — отозвалась Татьяна.

— Нам не так далеко, — спокойно заметила Марина. Они договорились, что после института на праздник поедут в гости к её родителям.

На улице было прохладно, между фонарей на проводах подмигивали разноцветные лампочки, а под ними спешил по домам повеселевший народ. Марина чувствовала себя чужой среди этих праздничных лиц. В метро Никита спокойно спал. Это был тихий и радостный ребёнок.

Пока в больнице на “Сходне” не было свободных мест, Марина занималась собой и Никитой. Овальное зеркало в прихожей рассказало, что от неё остались только большие погрустневшие глаза и огромная грудь. Молока было много, оно лилось ручьём, приходилось подкладывать полотенце, чтобы не вымокал халат. Никита с удовольствием дакал и бужал, всегда улыбался и уверенно предьявлял жизни свои права.

Однажды в дверь позвонили: на пороге стояла соседка Анна Петровна.

— Мариночка, здравствуй. Я хотела с тобой поговорить. — Она всегда была подвижной, много шутила, и при всей чувствовавшейся твёрдости характера, и даже порой грубоватости, в ней то же время сохранилось какая-то искренняя детскость.

— Проходите, Анна Петровна, — увидев её, Марина сразу заулыбалась.

Она зашла в комнату, посмотрела на спящего Никиту.

— Хороший у вас мальчик.

Потом окинула взглядом Марину и проговорила твёрдо:

— Я пришла сказать тебе, что Никиту надо крестить.

Марина растерялась:

— Зачем?

— Ребёнок же сильно болен. Ему ангел-хранитель нужен в помощники, сама молиться будешь.

— Простите, Анна Петровна, а я неверующая и даже некрещёная... — Марина смущённо развела руками.

Старушка тепло смотрела ей в глаза, казалось, в самую душу.

— Да это понятно. Времена у нас такие, но бывает, что они меняются. Возможно, скоро ты придёшь, а нынче твой ребёнок должен встать под Его защиту.

— Сейчас это никак невозможно, дорогая Анна Петровна.

Марина взялась за голову. Разумеется, на всякий случай, крещение бы не помешало. Но так сразу это дело представилось ей невыносимо тяжёлым. Она подумала, что не сможет его осуществить, а вслух сказала:

— Понимаете, нам предстоит операция. А вдруг он простудится на крещении? И тогда всё сорвётся. А в больнице свободные места быстро занимаются.

Эта неожиданная мысль не на шутку перепугала Марину.

— Нет, нет... Мы никак не можем креститься до операции. Когда наши дела закончатся, мы обязательно к этому вернёмся, дорогая Анна Петровна. Большое спасибо за участие в наших бедах.

Анна Петровна грустно покачала головой:

— Ох, девонька, как бы потом не пожалеть. Но ничего не попишешь. Будем верить, что всё обойдётся.

— Поставьте за нас свечку.

— Да уж помолось, как смогу, за оглашенных.

Марина слабо улыбнулась:

— Мы точно все оглашенные.

— Дай-то Бог... — печально проговорила Анна Петровна, повернулась и ушла.

У Марины после этого разговора осталось в душе смущение: она сделала что-то не так. “Но мы никак не можем рисковать, — оправдывалась она перед самой собой. — Крещение сейчас никак невозможно”.

Глава 4. Мир на глазах преображался

Наконец, появилось свободное место, и Рома повёз их в больницу. Издали она напоминала огромный корабль со множеством окон-иллюминаторов.

“Сколько же здесь несчастных детей?” — горестно подумала Марина. Они простились с Ромой до вечера. Муж, вздохнув, сказал, что, кажется, из-за частых отпрашиваний начальство его уволит.

— Неужели у них сердца нет? — воскликнула жалобно Марина.

— Пока стучат, вроде все живые, — пошутил он уже на бегу.

Новая больница была отнюдь не медицинским институтом, куда поступали сугубо несчастные случаи. Пациенты нейрохирургического отделения оказались вполне нормальными детьми. Оправившись, мальчишки носились по коридорам, медсестры их утихомиривали. На её глазах привезли нового младенца с сотрясением мозга. Здесь в основном все лежали с этим же диагнозом. Ничего страшного Марина сначала не увидела.

Поместили их в палату, где совсем не было кроватей — одна стальная колыбелька для Никиты. Марина растерялась и спросила об этом ходившую по палате женщину с больной девочкой на руках.

— Здесь матерям ночевать не положено, — ответила та. — Они должны сцеживаться, оставлять молоко у медсестер и уезжать домой, а утром обратно.

— Как? — потерянно спросила Марина. Она, конечно, могла ночевать у родителей, у свекрови её вид вызывал раздражение. Но оставить Никиту одного на ночь — трагедия. В утомлённом мозгу понёсся мысленный вихрь. Из-за долгого плача у него могла увеличиться голова, ребёнок мог один испугаться, оголодать, заболеть...

— Но это такой бесчеловечный распорядок, а по жизни матери младенцев остаются на ночь, и начальство закрывает на это глаза, — успокоила её соседка, а потом добавила: — А вот спать приходится на стульях, в лучшем случае — на диванчике в холле.

Марина подумала, что всё стерпит, лишь бы Никита стал здоровым. В эту минуту в палату вошёл огромный человек в зелёном халате, с бородкой земского доктора, а ещё — с карими большими и добрыми глазами.

— Виктор Александрович! — представился он. — Я ваш врач и буду делать операцию. Не тревожьтесь, пожалуйста, дорогая мамочка, — говорил он ровным и спокойным баском, — у нас всё благополучно. За пять лет операций ни одного летального исхода. У вас есть вопросы?

Марина стояла, запрокинув голову, и смотрела в доброе лицо своего освободителя. Этот человек должен снять с неё ужас опрокинутой жизни. “Он такой большой и сильный, он справится”.

— Мне не объяснили, в чём суть операции.

— Как бы вам проще сказать... У младенцев постоянно происходит циркуляция воды из головы в организм и обратно. Кстати, у взрослых уже такого не бывает. — Марина слушала доктора и думала, что он немного похож на Чехова, если бы тот чуть поправился. — И если случается нарушение, то жидкость застаивается, соответственно голова начинает увеличиваться. Во время операции в артерию вставляется катетер, который способствует оттоку жидкости. Самочувствие ребёнка нормализуется.

— Как вы меня поддержали, благодарю! А то буквально все, вплоть до института Бурденко, говорили, что это не лечится. У меня ещё просьба: пожалуйста, разрешите мне ночевать в больнице. Я кормлю грудью, трудно будет сцеживаться, оставлять молоко...

— Мда... — проговорил доктор. — У нас регламент такой нескладный. Постараюсь что-нибудь придумать.

— Благодарю вас, Виктор Александрович. — Марина, за последнее время отвыкшая от доброго отношения врачей, смущённо улыбнулась. Она шла тропой войны, и вдруг, при встрече с душевным человеком, расчувствовалась, и сразу захотелось заплакать.

В коридоре, когда она шла в поисках кухни, где хотела заварить чай, её окликнули две мамочки в разноцветных халатах.

— Как тебя зовут? — спросила симпатичная молодка с длинной русой косой.

— Марина.

— Меня Катя, а это Лена. Ты сегодня пришла. Мне на посту Верочка рассказала, у вас тоже гидроцефалия? — говорила она, рассматривая Марину.

— Да, к несчастью. — Марина сразу потемнела лицом.

— Не убивайся, здесь это лечат. У нас через неделю операция. А вас еще помурьжат, обследовать начнут. Так что будь готова к труду и обороне. — Девушка энергично и напористо выплёскивала из себя брызги оптимизма.

— А операции не повлияют плохо на развитие наших детей? — напряжённо спросила Марина.

— Нет. Я слышала, они очень даже умненькие становятся. Когда вода уходит, мозг расширяется и становится больше, чем у обыкновенных людей, — авторитетно заявила Катя.

А Лена пояснила менторским тоном:

— Гидроцефалами были Тургенев, Пушкин, Ленин... И... и кто-то там ещё.

Марина в смущении покачала головой.

— Не веришь?! Сомневаешься?! Посмотри на их черепа! — Катя даже возмутилась Мариной недоверчивостью.

— Да я на днях видела девочку, — продолжала кипятиться Катя, — ей

пять лет назад сделали операцию. Ну, это... их здесь обследуют через время. Головка у неё, конечно, большеватенькая, но зато она уже по-французски вовсю шпарит. Мамочка старается, развивает ребёночка.

— Правда, эти дети нервные. Девочка эта громко плакала в коридоре, — добавила Лена, вздохнув. — Поэтому мальчиков в армию не берут.

— Что здесь такого ужасного? У нас у всех пацаны. — Катя вздёрнула свой носик.

— А я и не против! — нервно хохотнула Лена.

Марина вспомнила о своей заботе.

— А вы здесь не ночуете? Как с этим дела обстоят?

Катя с Леной переглянулись.

— Ночуем. Я-то в предоперационной палате, мне положено, а Лена в холле кантуется. Медсёстрам не хочется по ночам вокруг наших скакать. Они ничего не знают и не видят. Но договариваться с ними надо.

— Они-то не видят, — добавила Лена. — Зато недавно за полночь грянула проверка, так я в шкафу со швабрами пряталась. — И она опять истерично расеялась.

— Да, любому слабб ночью под фонарём оказаться. — поддакнула Катя.

Марина после этого разговора забыла, куда шла, и вернулась обратно в палату. Ника уже проснулся и пытался рассмотреть игрушки, развешанные перед ним Мариной, но глаза его не слушались. “Неужели всё будет так хорошо?” — не верила себе Марина. Вдруг обратила внимание, что за окном сыплются белые хлопья новорождённого снега. Мир на глазах обновлялся, преображался; она обрадовалась, словно это было впервые. Сверху казалось, что деревья, облепленные снегом, — это блестящие кораллы, а земля внизу превращалась в дно воздушного океана.

— Маршалова! — в дверях показалась полненькая медсестра. — Вас переселяют в предоперационную палату.

Марина догадалась, что это та самая Верочка, рассказавшая мамочкам о её прибытии, и бросилась укладывать в сумку разобранные на стуле пелёнки и вещи.

— Пойдёмте, посмотрите, где это. А потом будете собираться.

Марина помчалась за шустренькой Верочкой. Палата, как и везде, была с прозрачными наполовину стенами — тот же аквариум, к которому давно пора было привыкнуть, но зато с кроватью для мамы, детской колыбелькой, с собственным туалетом и раковиной, где можно стирать подгузники, и даже каким-то чуланчиком для их просушки — красота.

— У нас пелёнки больничные дают, прачечная есть. Зачем себе жизнь усложнять? — недоумевала Верочка на её высказывание о палате.

— Так спокойнее. — И Марина и побежала за сыном.

Они переселились очень быстро. Никита не заметил перемены мест. Он проявлял другое качество: наступило время кормления, а мама — столовая — к нему ещё не пришла.

— И-и-и... — Тишина маленькой палаты наполнилась визгом.

— Мы своё дело знаем, — удовлетворённо проговорила Марина, вынимая сына из кроватки. — Ника, по тебе можно часы сверять.

Вечером Марина восторженно передавала Ромке больничные новости. Услышав про Ленина-гидроцефала, он расхохотался.

— Разве ж можно так-то о вожде мирового пролетариата?

— Зато гигант мысли получился. Опять же они все нервные бывают, вот он и бесился. Но наш Ника очень спокойный, — улыбнулась жена.

Букет огромных шапочек белых хризантем источал запах весенней свежести. Марина смотрела на витиеватые лепестки цветов и представляла то время, когда сделают операцию, и они с сыном, наконец, пойдут домой, и она купит ему деревянную лошадь, которую недавно видела в магазине. Коник был совсем, как живой, с густой гривой и выющимся колючками хвостом. Мечтая, она прослушала, что говорил Маршалов о своей работе.

Вдруг оба с удивлением заметили, что, оказываясь, в их сторону кричит уборщица, мывшая вестибюль. Она катилась со шваброй, как таран, требуя визгливым фальцетом:

— Ноги... Убрать ноги!

Молодые вскочили и пошли на другое место.

— Рожают детей в семнадцать лет, а они нездоровые получаются, — не унималась старушка.

— Не обращай внимания, — тихо проговорил Рома.

Однако Марина ответила:

— Вы ошиблись, мне двадцать два года.

Старушка осеклась.

— Да, тут вас разберёшь, — ответила она миролюбивее. — Детишек жалко. Вон сколько их больных, потому что у родителей мозгов нет... — под конец фразы она вновь перешла на фальцет и огласила им вестибульное пространство.

С букетом цветов и большой сумкой продуктов Марина весело возвращалась к себе в палату. Вдруг замерла на месте, сердце болезненно сжалось. Навстречу по коридору шла Елена с сыном на руках. Его огромная голова с непомерно увеличенным лбом лежала на узком плече матери. Это был очень крупный ребёнок; оставалось загадкой, как такая хрупкая женщина могла его нести.

— Цветы? — спросила Елена удивлённо.

— Муж любимый подарил. Он такой умница, каждый день нас посещает.

— А мой не заходил даже в прежнюю больницу, хотя она была напротив его работы. — Елена подняла глаза к потолку, вздохнула и пошла дальше.

Марине вспомнился медицинский институт, стало стыдно, что она невзначай похвасталась перед человеком в горе, и, погрузившись, пошла дальше.

Начались обследования, дни тянулись медленно. Долго пришлось ждать ультразвука. Тогда на всю Москву аппаратов УЗИ было раз-два и обчёлся. Однако в их больнице такой хоть и один, но имелся. Очередь на него выстроилась громадная. Надо было ждать, время ползло черепашьим шагом. Хорошо, что можно было самой стирать; когда Марина трудилась, печаль приглушалась.

Однажды в палату зашёл Виктор Александрович.

— Марина Владимировна, у меня к вам большая просьба.

— Что случилось? — Марина, как всегда, при разговоре с врачами, внутренне напряглась.

— Вы у нас вызываете особенное доверие, поэтому мы просим присмотреть за отказным ребенком. У него приключилось сотрясение мозга, он временно поступил к нам на лечение. Мы уверены, что вы его не обидите... — В конце своей длинной речи он покачал головой.

— Да, — растерянно согласилась Марина, — не обидим.

— Благодарим вас, душечка. Знаете, жалко таких детишек.

— Жалко. — опять согласилась Марина, и у неё заболело сердце.

Сразу после этого разговора в палате появилась ещё одна кровать, и вскоре принесли младенчика.

— Его зовут Миша, — сказала всегда сосредоточенная и немногословная постовая медсестра Валентина. — Вот пелёнки, бутылка, смеси. Желая сил и бодрости.

— Спасибо.

Марина стала рассматривать мальчика восточной внешности: худенький, смугленький, носик широкий. Два чёрных внимательных глаза так и впились в неё. Миша сразу заплакал: ему хотелось любви и внимания. Она взяла младенца на руки и почувствовала в этом завёрнутом в полотно живом жгутике силу и упругость мышц. Он всё время шевелился, словно стараясь вырваться из пелёнок. Движения Никиты всегда были размеренны и даже вялы, он, как ни пытался, но из-за “солнечного затмения” никак не мог её рассмотреть. А Марине так хотелось увидеть себя в голубых глазах сына и встретиться с ним взглядом.

Покормив Мишу смесью, Марина с Никитой занялись своим собственным ужином. За этим занятием их застала Катерина.

— Ты что, грудь кормишь? — удивилась она. — Молодец какая.

Катя одобрительно посмотрела на Марину.

— У меня молока не было, после двух месяцев перешла на смесь, сейчас вот опять закурила. Бориске не нравится запах сигарет, он морщится от моего халата, даже после нескольких затыжек на лестнице. Не знаю, что и делать. Бросить-то не могу.

Марина смотрела на неё молча.

— Я пришла сиротку увидеть. Думаю, может, взять его себе? Ой, это перусский ребёнок! Надо же, какой вертлявый. Натура такая, надо же.

Марина подумала, что эта девушка комментирует всё, что увидит: сто слов в минуту, и ещё промелькнуло в сознании, что у детей нет национальности, ведь они об этом не знают.

— А твой Никита совсем не похож на гидроцефалика, у него вид ребёнка, получившего сотряс мозгов. А у Ленки малец большеголовый... — Она на секунду болезненно сжала губы. — Мужик ей не помогает совсем. Бедная она.

Катюша продолжала строчить словами, как из пулемёта.

— У нас уже через три дня операция — боюсь немного.

— И я тоже нервничаю, — призналась Марина.

— Мы прорвёмся, мы пскопские...

С появлением Миши больничная жизнь семейства Маршаловых изменилась. Новый жилец палаты часто кричал, требуя к себе внимания. Медсестра Ирина Петровна, с солидным стажем работы, пояснила, что надо постоять у его кровати, но не брать на руки, и он успокоится.

— Если их всех качать, то у нянечки в приюте сил не хватит. Она падёт там же смертью храбрых. Поэтому их не приучают к рукам, — пояснила Ирина Петровна.

Всегда спокойный Никита, почувствовав неладное, тоже стал нервничать и плакать. Чаще всего малыши кричали, соблюдая очередность: сначала один, через несколько минут другой. Хотя иногда она принимались реветь дуэтом, тогда Марина металась между их кроватками. Брала Нику на руки и стояла над Мишей, а тот заливался криком. Марина даже немного сердилась, сколько в нём было требовательности и воли к жизни, чего она не замечала в Никите. Миша был здоровый ребёнок, хоть и худой, все рёбрышки видны, но такой живчик. А хорошенький Никита, напоминавший пухленьких ангелочков с “Сикстинской Мадонны”, всё-таки был вялым и не сосредоточенным. “Это болезнь”, — объясняла себе Марина.

— Давай усыновим Мишку, будет у нас двое мальчишек, — однажды предложил Роман.

— Я не смогу это вытянуть! — в отчаянии возразила Марина. — Один с головой больной, другой слишком активный, и оба кричат. Я с ними с ума сойду.

К этому разговору они больше не возвращались.

Однажды мальчики расплакались, но как-то тихо и жалостно. А на Марину, стоящую в комнатке с умывальником, вдруг нашёл ледяной ужас, даже спина покрылась мурашками.словно в палату вошло нечто отвратительное и страшное. Дети, вызывая её, тоскливо всхлипывали, но Марина не решалась взяться за ручку двери. “Это нервы”. — успокаивала она себя, и когда, пересилив страх, вышла из подсобки, в палате, конечно, никого не оказалось. “Как жаль, что нет Бога. Не у Кого просить помощи. Тоска зелёная, а не жизнь”.

Вскоре она заметила, что с появлением Миши иногда в голосе Никиты стали проявляться требовательные нотки.

— Набрался манер, — бурчала Марина, развешивая бельё.

Когда она взялась заклеивать окна — очень похолодало, зима окончательно вошла в свои права и грянули морозы, — Никита вдруг разорался диким басом.

— Уа... Уа-а-а! — рычал её ребенок, до этого момента обычно мяукавший по-кошачьи: “Ми-у... Ми-у...”

— Не кричи на меня. Не видишь, я делом занимаюсь? — оправдывалась Марина, пропихивая вату в щели рамы. — Иначе мы все замёрзнем.

— У-а, у-а... — прямо-таки ревел в ответ Никита, словно чужим голосом, даже Миша молчал и, часто мигая своими чёрными агатами, удивлённо прислушивался к этим новым звукам.

— Если ты будешь грубить, я к тебе совсем не подойду, — объясняла сыну Марина ровным голосом.

В палату вбежала Лена.

— Ты чего? — спросила она удивлённо. — Я думала, тебя нет, а ребёнок надрывается. А ты, оказывается, здесь?!

— Воспитанием занимаюсь, не подхожу, чтобы он больше так ужасно не орал. Мне кажется, если один раз в такой момент подойдешь, он всё время так вопить начнёт.

— Нельзя ведь, он у тебя больной. Не понимаешь?

Но Никита неожиданно замолчал. Больше таких криков она не слышала. Всё возвратилось на круги своя, и эта история осталась для Марины загадкой: “Что на него нашло?”

Подошла очередь делать ультразвук. Марина узнала, что их гидроцефалия окклюзионная — операция неизбежна. На экране монитора Марине показали некое маленькое пятнышко, перекрывшее канал, по которому шла вода.

— Что это? — спросила она.

— Возможно, гематома, — ответил врач. — У него не было травм?

Марине сразу вспомнился чей-то крик в родилке: “Шею зажало, режь!” — и тихо ответила:

— Наверное, родовая.

В этот же день у Миши поднялась температура. Из опасения, как бы не заразить Никиту перед операцией, его переселили в соседнюю палату. Марина успела к нему привыкнуть и чуть загрустила.

Женщину в палате, куда переселили Мишу, недавно положили с сыном с обычным сотрясением мозга. Марина с ней не успевала познакомиться, всё время приходилось бегать с Никой по разным кабинетам. А через несколько дней она увидела за стеклом картину, поразившую в самое сердце.

У Миши начались опрелости, и врач прописал ему ванночки. Мама по соседству взяла обыкновенный детский горшок, что-то туда насыпала и стала сажать на него Мишу. Марина испугалась, как бы у мальчика не случилось беда со спиной, ведь ему было всего месяца три. В это время к соседке зашли две другие мамы, но она продолжала свои манипуляции. Маленький голенький человечек жалобно плакал, голова его, ещё не державшаяся шей, свисала, как у тряпичной куколки, а женщины весело это обсуждали. Марина из-за стекла не слышала, о чём они говорят, но вид худенького Миши с дёргающейся головой так её потряс, что она залезла под стул, дабы не быть заметной в прозрачных стенах, и там рыдала, не зная, чем и как ему помочь.

Катя, рассуждавшая о его усыновлении, уже выписалась домой, и рассказать это было некому. “У них здоровые дети, они не пережили ужасов... Нет жалости. Сытый голодного не разумеет...” — изливала она своё горе холодному полу.

Вскоре Мишу перевели в другую, отдалённую от них палату. В последний раз она видела его, когда ватага ребят бежала с ним по коридору. Марина остановила мальчишку, державшего младенца на руках.

— Ведь ты можешь его уронить. Положи обратно в кроватку, это тебе не игрушка.

Но сорванец увернулся, заявив, что он из многодетной семьи и знает, как обращаться с детьми. Медсестра по просьбе Марины забрала у озорников Мишу и куда-то с ним пошла. Больше Марина его никогда в жизни не видела. Уже после всего случившегося она иногда думала, что, возможно, если бы взяла себе этого ребёнка, то её жизнь пошла бы по-другому. Может быть, в лице этого сироты была её судьба?

Но в тот момент на неё накатывали другие волнения. У ребёнка Лены неожиданно начались послеоперационные осложнения. И хотя всё разрешилось благополучно, однако грядущее испытание начинало вызывать у неё безотчётный страх.

Приближался Новый год. Операция намечалась на днях, а затем их должны были выписать накануне праздника. В последнее время они полонила ходить с Никитой по палате и всё вокруг разглядывать. Марина объясняла ему, что это за вещь, или напевала нежные мелодии.

В тот вечер она вдруг вспомнила: “Как прекрасен этот мир, посмотри”. Они подошли к огромному больничному окну. За ним раскинулся великий простор: кружащая за стеклом метелица, далеко внизу пробегала широкая, занесённая снежком дорога, горели яркие фонари, весело подмигивали разноцветные светящиеся огоньки.

От представшей перед ним феерической картины поражённый Ника выдохнул: “Ах!” — прижал ладошки к груди и так замер с приоткрытым от восторга и удивления ротиком и вскинутыми вверх бровками. Марина представила, как он обрадуется, увидев новогоднюю ёлку. Таким он остался в её памяти навсегда.

Глава 5. Все было, как во сне

Накануне операции Роману дали пропуск в палату, чтобы он посмотрел на сына. Это входило в больничные правила. Дело было в воскресенье. Поэтому вместе они могли пробыть целый день. Рома пришёл печальный. Посмотрел как-то отстранённо на сына, сказал, что он заметно вырос, сел у окна и задумался. Марина сначала весело щебетала, но, заметив, что муж её не слышит, спросила:

— Ты чего такой?

— А какой? Обыкновенный... — пожал он плечами.

— Мне показалось, расстроенный.

— Дрянь в дороге случилась. Ехал к вам. На станцию подошла электричка, двери открылись, а в тамбуре лежит мёртвый, и мужик попросил, чтобы помог его вынести.

Наступила тишина. Марина за последнее время научилась отгораживаться внутри от ужасов бытия. Она не вняла этому рассказу, а стала расчёсывать примятые кудри мужа.

— Ты просто устал... Мы все ужасно устали.

Дальше события понеслись, как в чёртовом колесе.

В понедельник пришёл Виктор Александрович, опять подбодрил её:

— Не тревожьтесь. У вас такое испуганное лицо. Здесь опасность только в возможном отторжении. Но на моем веку такого ещё не было.

Марина не поняла, о чём речь, но у неё тоскливо сжалось сердце.

Пока продолжалась операция, она прибирала в палате. Надо завтра встретить сына в полном порядке и чистоте. Медсестра Верочка сказала ей, что поскольку ребёнка нет в палате, она не может быть в больнице.

— Всё равно его после отправят в реанимацию, — пояснила она. — Приходите завтра часам к двенадцати. Всё будет хорошо.

Когда она пошла в гардероб, то в коридоре встретила Виктора Александровича. Их врач-богатырь выглядел ужасно уставшим и, как показалось, похудевшим, у него даже морщины появились под глазами. Будто сдутый воздушный шар.

— Всё прошло успешно, — сказал он, устало улыбнувшись.

— Благодарю вас, — поклонилась ему Марина.

“Сколько же у него сил и здоровья ушло на эту операцию? Тяжкая работа, когда жизни человеческие в руках, — думала она, спускаясь пешком по лестнице. — Что же ему подарить при выписке? Только не коньяк, говорят, хирурги от этого спиваются. Он чудесный”.

До её ухода из больницы успели сговориться, что они с Ромой придут ночевать к Инне Сергеевне. Маршалов пояснил, что мать обижается, думает, что её всё время обходят стороной. В этот день на работе была не её смена, она оказалась свободной. Марина, предупредив маму, немного волнуясь, отправилась к Инне Сергеевне.

— Признаться, не ожидала, что ты начнёшь горы сворачивать, — говорила свекровь, наливая чай.

— Ничего я не сворачиваю, просто борюсь за ребёнка, — ответила обрадованная Марина.

— Родить его надо было нормально. Я ж тебе советовала прибавить недельку-другую. — Инна Сергеевна не сдержалась, хотя настраивалась обойтись без упреков, понимая, что невестка и так хватила тяжкого.

— Что же теперь об этом... — тихо проговорила Марина, разглаживая на столе скатерть.

— Ладно. Быстрее бы всё это прокатило, — тяжело вздохнула свекровь.

На следующий день Марина с утра была в больнице. Спящего Никиту привезли к обеду на каталке.

Когда проснулся, они впервые посмотрели друг другу в глаза. Марина испугалась его требовательного взгляда. Это был не прежний милый, всегда улыбающийся Ника. Он будто стал другим, повзрослел за эту ночь. И словно неумолимый судья смотрел в её душу.

— Никита, это я — твоя мама. Ты узнал меня? — растерянно спросила Марина. В ответ мальчик заплакал.

Дальше события стали развиваться стремительно. Никита не хотел брать грудь, пил только клюквенный морс. К вечеру у него поднялась температура. Марина позвонила мужу на работу, чтобы он не приходил, потому что сын очень слаб. Врачи часто заходили к ним в палату и осматривали Никиту. Виктор Александрович сказал, что началось то самое отторжение, которое никак не предполагалось.

— Что это такое? — испугалась Марина.

— Организм не принимает вживляемое в него чужеродное тело. Происходит иммунологическая реакция, они начинают бороться с неизведанным, что сейчас и происходит. Но мы будем спасать вашего ребёнка.

Ночь они не спали. Никита кричал, Марина раскачивала его на руках. Она так мечтала, чтобы ребёнок видел её без всяких затмений. Но сейчас его взгляд был невыносим. Никита сурово смотрел на мать и плакал навзрыд, а она ничем не могла помочь, всё время хотелось от него спрятаться. Температура тридцать девять не опускалась, хотя врачи прилагали много сил, чтобы это переломить.

Днём прямо в палате произошёл небольшой консилиум. Медики решили, что нужен сильный укол, Марина не услышала названия. Появилась медсестра Ирина Петровна и сделала этот важный укол. После чего из соседнего бокса к ней зашла новая соседка, мама травмированной девочки. Его обитательницы менялись быстро, только они с Никитой перемогались здесь уже больше месяца.

— Здравствуйте, вижу, что у вас тяжело, врачи всё время ходят...

Никита несколько утих.

— Да, у нас всё очень плохо. — У Марины не было сил заплакать. Внутри всё окаменело.

— А ребёнок у вас крещённый?

— Нет, — покачала головой Марина.

— Сейчас я попробую вам помочь, — заволновалась соседка.

Взяла стакан с тумбочки и набрала в подсобке воды под краном. Затем она встала над Никитой, который в этот момент перестал кричать, окропила его с ног до головы водой и спокойно с расстановкой троекратно перекрестила. Потом склонила голову, словно задумалась. Марина почему-то решила, что она молится. Через несколько минут женщина выпрямилась.

— Надеюсь, это поможет вашему ребёнку.

Вскоре температура спала, и Никита впервые после операции уснул. Марина заглянула к соседке и сказала, что у мальчика спала температура.

— Видите, — ответила она, улыбаясь. — Я очень рада.

Но сама Марина мучилась сомнениями. Что на самом деле помогло? То ли, что его перекрестили троекратно, или укол? Для неё это было важно. Если простой крестный знак так помогает, то можно предположить, что Бог есть, а если всё-таки укол?.. До того, что могли помочь оба действия — божественное и человеческое, — она не додумалась.

Никита проспал ночь спокойно, а утром всё пошло по очередному кругу: температура... взрывной плач... отчаяние... Виктор Александрович просил её не давать сыну лежать в кровати, а носить на руках, чтобы не получилось воспаление лёгких.

Затем их отправили сдавать кровь. Врач сидела в кабинете переполнённая.

— Представляешь, — чуть не плакала она в трубку телефона, — прихожу на работу, а на моём халате лежит мёртвая птичка. В форточку, наверное, влетела. Какой ужас... Очень плохая примета.

Марина вся сжалась в комок и почувствовала себя этой птицей.

Состояние Никиты оставалось стабильно тяжёлым, у него случилось воспаление лёгких, а в довершение всего начался сепсис. Последние две ночи они совсем не спали. От усталости и безысходности Марине стало казаться, что её голова — это куриное яйцо. Она представляла, как стукнется ею об стенку, и по ней, как желток, польются мозги, но зато станет легко.

Никиту вновь забрали в реанимацию. Марина пришла к маме и, ничего не говоря, рухнула на кровать. Утром они вместе отправились в больницу. Она боялась ехать туда одна. По дороге в её воспалённом мозгу стали появляться звуки равелевской “Паваны”. С ней случалось подобное в минуты сильнейших потрясений. Вероятно, это была защитная реакция души, интуитивная потребность перевести внимание от переживаний на музыку. Приходило это само, без участия её воли и желания. Когда потекли первые тихие, медленные, чуть глуховатые звуки струнных, хрипловатые фаготы, всхлипы флейты, Марина стала вслушиваться в музыку, и скоро она заполнила всю её субстанцию. Сознание уплывало, она словно забыла, куда едет и зачем. Мысль не могла зацепиться за реальность. Она силилась думать о Никите, но тревожные всплески арфа, трубные гласы поющего гобоя и визг кларнетов, заглушая проблески памяти, становились громче, поднимались всё выше, закручиваясь в спираль...

У Марины не было пропуска в их отделение. Когда она позвонила туда, ответили, что Виктор Александрович просил подойти к нему в кабинет. Пропуска выписали на обеих. Поднимаясь по лестнице, Марина склонила голову, её давил оглушительный музыкальный хаос песни, воя и плача. Они прошли в кабинет Виктора Александровича, поздоровались, сели на стул. Врач молчал несколько минут, а потом сказал дрогнувшим голосом:

— Марина Владимировна, я должен вам сказать, что сегодня ночью, в три часа семнадцать минут вашего сына Никиты не стало.

Марина внимательно смотрела на него с застывшим выражением лица, в ушах стояла какофония звуков, и сознание никак не могло сквозь них прорваться. Она видела, что доктор говорит, но слов не осознала.

Рядом зарыдала мама, тогда Марина поняла — это конец. И, глядя на неё, тоже тихо заплакала.

— Невероятно прискорбно... в нашей больнице первый случай после этой операции... — оправдывался перед ними огромный добрый поникший Виктор Александрович.

“У него будет гроза, — подумалось Марине, — все несчастны, а я погибла”. Хотелось лечь на пол, и чтобы её не трогали, а нужно было идти в палату, собирать вещи.

— Сегодня католическое Рождество... — говорила кому-то по телефону медсестра Верочка. Увидев Марину, кивнула и, перестав улыбаться, опустила глаза.

Дальше происходящее напоминало сон. Рома взял все хлопоты на себя. Ходил за необходимыми справками, близился Новый год, нужно было торопиться с формальностями.

Бурливая, радостная Москва готовилась к своему семейному, самому светлому в Союзе празднику. Люди ходили с восторженными лицами, на фонарях опять сверкали гирлянды, а на Красной площади и в домах украшались ёлки. Марина с недоумением смотрела на кружение приближающегося праздника. Веселились даже работники похоронного агентства.

— Подожди меня на улице. — Муж выпроводил растерянную Марину из “Ритуала”.

Он собирался сам ходить по инстанциям, но Марина не могла одна оставаться дома и плелась по улицам и конторам следом за мужем, как при-вязанная. Она три месяца ни днём, ни ночью не расставалась с их сыном и хотела ещё ему послужить. Да и не знала, куда себя пристроить и что делать дальше. Словно провалилась в чёрную дыру.

Марина мыслью стремилась в морг, за три дня она безумно стосковалась по своему младенцу. Никита со светлым лицом, но с таким сосредоточенным видом, словно взрослый человек, раскрывший тайну смысла нашего бытия, лежал на маленькой кружевной подушке. Марина, наконец, убедилась, что это всё: Никита больше никогда ей не улыбнётся. Сын всё-таки ушёл, оставив за собой звенящую пустоту и бессмысленность.

Холодный автобус, маленький гробик у неё на коленях. Совсем не так она собиралась встретить новогодний праздник. Когда первые комья земли упали на крышку, она подумала, что хоронит свою самую большую любовь.

Сразу после поминального обеда они уехали в подмосковную квартирку, где Марина, наконец, могла выплакивать своё чёрное горе. Она долго держалась, поскольку не хотела мучить родителей. Так пришёл Новый, перестроечный год.

На девятый день, уже несколько успокоенные, они сидела на заметённой снегом скамейке у могилы её любимых бабушки и сына. Рома прервал долгое молчание:

— Когда ты позвонила мне из роддома, я слушал романс “Не уходи, побудь со мной”, и на душе кошки скребли. Ты сказала: у нас сын, а мне вдруг стало так тоскливо, что захотелось взвыть на лампочку.

— Наш ребёнок был очень тонкой натурой и больше всего любил свободу. Он не смог жить сшитыми трубками. Ему необходимы были красота и естественность. — Она тяжело вздохнула. — Лучше бы он потерпел.

Глава 6. Я желаю вам счастья

Она не ушла от Ромы, как в минуты больничного отчаяния рисовала это в своём воображении. Наоборот, Марина за время борьбы с судьбой стала испытывать к мужу чувство безмерной благодарности и нечто сродни собачьей преданности. Горе её сильно изменило. Не потому, что “привычка свыше дана, замена счастью она”, тут было иное. Два человека, хвативших лиха, становятся родственными по-особому.

Марина стала бояться потерять Романа и усыхала от тоски по ребёнку. Продлив академический отпуск в институте, залегла в постель. Утром не хотелось вставать, и она поднималась, только чтобы приготовить ужин к приходу мужа. Не было желания ни наряжаться, ни красить ресницы, ни принимать гостей. Однажды друзья-хористы нагрянули к ним, желая поддержать. Марина, не выдержав весёлых песен и беззаботных разговоров, поздно ночью ушла во двор и, сидя на качелях, громко плакала, думая обиженно: какие бессердечные эгоисты. У меня ребёнок умер, а они радуются. Ничем она не интересовалась в то время, никуда не ходила и ничего не хотела.

Зато Маршалов был, кажется, доволен. Наконец Марина принадлежала только ему одному. Жена тихо сидела дома, с тяжёлыми мыслями, отчего сердце его сжималось от сострадания и нежности. Всегда хотелось её чем-то порадовать: купить, что она хотела, повести на концерт. Марина, улыбаясь, смотрела ему в глаза (они даже привыкли общаться взглядами, сохраняя молчание) и беспрекословно исполняла все советы и пожелания. Роман с удовлетворением чувствовал, что она искренне к нему привязана. Однажды даже поразился, насколько это было сильно. Летом, когда отдыхали на море в Крыму, он решил залезть на осколок башни Генуэзской крепости. Будучи уже у вершины, Ромка вдруг услышал за собой тихое пыхтение. Обернулся и вздрогнул. Марина, вжавшись в камни, как напуганная кошка, медленно ползла вслед за ним.

— Ты что, малыш, делаешь?!

Он протянул руку жене, мало что соображавшей от страха, и помог взобраться. Они вместе сидели под облаками на пике выступа стены. Марина с ужасом смотрела вниз, где волновалась морская бездна, плохо понимая, как здесь очутилась и спустится ли обратно. Она немного заскучала, стоя одна под башней, и полезла вслед за мужем. Потом сильно испугалась, но спуститься назад казалось ещё страшнее, и она продолжала карабкаться вверх. Ромка, обнимая жену, громко смеялся, другие стихийные скалолазы с интересом смотрели в их сторону.

— Да вы шо?! — возмутилась хозяйка их съёмной комнаты, услышав, куда они забирались. — Сколько народу поубывалось на второй башне, нехай вона паде.

Марина вздрогнула. Втихомолку, не посвящая в это Рому, она уже сроднилась с мыслью, что скоро умрёт. Однако уйти в мир иной она должна крепёной. Сколько потом ни силилась, не могла вспомнить, откуда появилось это убеждение или, точнее, призыв. Пришёл он непонятно как и заполнил всё её сознание, лишь об этом и думалось. Однажды она пошла к старой соседке.

— Здравствуйте, Анна Петровна.

— О, Мариночка! Проходи.

Марина встала у порога, вздохнула и произнесла, как в воду холодную нырнула:

— Мне надо креститься.

— Да, надо, — заулыбалась Анна Петровна. — За Никитушку будешь молиться, он этого ждёт.

Марина вопросительно посмотрела на добрую старушку и продолжала:

— Честно скажу, я не пойму, верю ли в Бога и есть ли там что-то... — Она вздохнула. — Но точно знаю, что мне надо креститься.

— Да, там всё есть, не сомневайся. И тебе надо креститься, — подтвердила Анна Петровна.

— Только, если можно, подальше от Москвы. Мой папа занимает должность декана в институте.

— Разумеется, в Москве это делать не будем. У меня есть знакомый батюшка, прозорливец. Скоро поеду к нему посоветоваться о своих делах, и о тебе договорюсь.

— Благодарю вас. — Марина облегчённо вздохнула.

Крещение совершилось в небольшом посёлке. Церковь оказалась просто домовым храмом: обыкновенное невысокое строение с маленьким куполом на крыше.

Во время таинства она впервые услышала “Символ веры”, рассказывающий о Боге Отце, Сыне и Святом Духе, об этом она никогда не думала. Священник читал много разных молитв, и вдруг спросил, отрекается ли она от сатаны и всех дел его. Марина подтвердила, что отрекается, но подумала: “А какие у него дела?” В самом конце батюшка надел на неё крест, а затем вынес красивую чашу и причастил Святых Таин: дал ей из маленькой ложечки вина с крохами хлеба. Она знала, что это — Божественные Тело и Кровь.

После завершения крещения батюшка сказал много добрых слов, заметив обручальное кольцо, немного помолчал, а потом вдруг произнёс: “Не будьте рабой у мужа”. Марина удивлённо посмотрела на убелённого сединами старца и ничего не ответила. Впоследствии, правда, пришло на ум, что вид у Марины понурый, и батюшка решил, что это муж её затюкал.

Незаметно пролетело два года. Марина готовилась к защите диплома и часто приезжала домой поздно. Роман цедил сквозь зубы слова недовольства. Иногда вздыхал, что она его не любит.

— Я так устаю, забочусь о тебе: готовлю, стираю, мою. Что же ещё надо? — отвечала Марина в сердцах.

Мама прозрательно намекала, что муж хоть чем-то должен помогать по дому, она так похудела и вид имеет замученный. Марина отмалчивалась. “Да, у него мать-агрегат на тыщу киловатт, горы для него сворачивала. Куда мне за ней гоняться. Ромчик не привык трудиться по дому. Да и на работе уморился, кормилец”.

— Усталость — это не любовь, это обязаловка! — продолжал страдать Маршалов.

— А может, жертва? — обижалась Марина.

— Ой, только вот не надо, пожалуйста, шекспировских трагедий! Ты всё так легкомысленно делаешь, в куклы играла, теперь в жену играешься. Не семья, а детский сад какой-то.

— Здравсьте, я ваша тётя! Ты хочешь, чтобы я ходила в драном халате, шаркала тапочками и била тебя по голове поварёшкой? Изволь! — Марина повышала голос, давая понять, что разговор окончен. — Начнём настоящую семейную жизнь! Счас как возьмусь за скалку!..

Мелкие ссоры обычно разрешались смехом, правда, немного грустным. Ведь детей у них по-прежнему не было. Однажды им позвонила Надя, с которой они лежали в детской больнице. Рассказала, что Вова умер, но у них с мужем родилась девочка. Заполнять пустоту семейной жизни становилось сложно, особенно Маршалову, который не знал, куда себя девать одинокими вечерами. Однажды от тоски он принялся выпиливать из реек цветочную подставку — в честь Матисса, объясняя: “Разведём тут настурции и будем вокруг них танцевать”. В Пушкинский музей они больше не ходили. Марина устала в институте, да и настроение было совсем не поэтическим.

Маршалов обречённо чувствовал, что бытовуха его засасывает и давит. Он больше не видел радости и особого смысла в жизни, творчество ушло, словно не бывало. Появилась хандра и раздражительность даже на жену: он привык к своей музе, она вдохновляла его уже не так, как в ушедшие годы. Работа удовлетворения не приносила, трамбовала, вокруг среда была явно не его, немного душевно покорёжила и забирала все силы и время. Веселило, когда пивка с ребятами выпьешь, покуролесишь немного.

Когда муж задерживался на работе, Марина пила чай с Анной Петровной, которая её теперь опекала и не давала грустить. Беседы за чаем о жизни и кулинарии породили в Марине желание поговорить. Приближался Рождественский пост, поэтому старушка так и сыпала всякими обворожительными постными рецептиками: “дёшево и сердито”. В последнее время с продуктами стало совсем напряжённо, приходилось долго торчать в очередях, и на этом фоне так завлекательно выглядели блюда Анны Петровны. Один гороховый кисель, медовая коврижка или сбитень чего стоили! Да и все вокруг говорили, что для здоровья это необыкновенно полезно. Марина спросила совета у мужа.

— Попробуй, — согласился Ромка. — Когда мы заходили в храм, у тебя лицо просветлело. Только, чур, меня кормить по-человечески.

Однако надолго готовить по два супа и всего прочего Марины не хватило. Перепробовав всяческие постные изыски, она поняла, что устала от стряпни, и на третьей неделе поста решила завершить неудавшийся эксперимент. Как вдруг...

Под вечер в их магазин точно по заказу завезли множество разных вкусовостей, весть быстро разнеслась по округе. Все словно окунулись с головой в доперестроечные времена. Марина обрадовалась, что её пост кончился. Выстояв долгую томительную очередь, набрала “ножек Буша”, костромского сыра, молочных сосисок и, чуть не пританцовывая, пошла домой. Что случилось потом, сразу даже и не поняла. Марина не заметила, как сзади к ней подскочил паренёк, лишь с удивлением почувствовала, что пакет с продуктами вдруг стал лёгким. Через мгновение послышался хлопок лопнувшего целлофана, громкий противный хохот, и Марина уже лежала в снегу, а её ушибленная рука, сжимала ручки от пакета, который скрылся вместе с налётчиком за углом дома. Незнакомая женщина закричала и погналась было за ним, но потом махнула рукой и стала помогать Марине подняться. Дома Рома положил на большую руку лёд: похоже было на растяжение.

— Радуйся, что по голове не стукнул.

Марина только сейчас почувствовала неосознанный страх, почему-то подумалось, что всё это произошло не просто так.

— Это я постовать бросила, поэтому у меня сосиски отняли, — проговорила она серьёзно.

— Не городи чушь! — ответил Маршалов. — И чё тебя понесло в этот магазин?

— Да! Чего ради?! Мы ведь святым духом питаемся... Тебя же этот вопрос совсем не интересует.

Она долго молчала и напряжённо о чём-то думала, а потом заявила строгим голосом:

— Пойду на исповедь — это был знак.

— Сходи-ка. Проветрись. — Маршалов вздохнул.

С этого момента жизнь Марины развернулась на сто восемьдесят градусов.

Рядом с домом храма не обреталось, и нужно было ехать на автобусе в другой городок. После злопамятного дня Марина, продолжив держать пост, под руководством Анны Петровны собралась причаститься. В субботу вечером они отправились в храм.

— Ты будешь исповедоваться у отца Святослава, к нему вся молодёжь ходит, — поясняла на ходу старушка.

Уже на пороге церковного дворика Марина почувствовала, что переходит в другое измерение, а душу наполнило умиротворение. В церкви пребывал уют и покой, как дома. Марине понравилось, что с огромной иконы на неё приветливо смотрела Богородица, по всему храму переливался живой трепет свечей, в воздухе стоял тонкий аромат ладана, где-то вверху пели негромко и душевно. Слов она не понимала, но на сердце так потеплело, что, сев на скамейку, Марина унеслась мыслями в тихие воспоминания всего самого хорошего.

Вдруг перед ней материализовалась Анна Петровна и повела, как она объяснила, в правый придел, куда вышел исповедовать отец Святослав. Марина увидела молодого, радостного батюшку, вокруг которого, как у медовых сот, собралась симпатичная молодёжь. Правда, юношество стояло молча, кто — улыбаясь, а кто — сосредоточенно глядя в пол, но все в направлении к одной точке притяжения — отцу Святославу.

Они с Анной Петровной пристроились к ним в самом конце. Слушая исповедников, батюшка время от времени поглядывал в их сторону, а потом позвал к себе. Марина, отвечая на его вопросы, успела в нескольких словах сказать о своих мучениях и страхах. Вспоминая первую исповедь, она размышляла, как после неё стало легко, и мир вокруг оказался добрым и приветливым. Впоследствии, когда всё вошло в привычное русло, столь яркого света в душе уже не отражалось, но легче становилось всегда.

Вечером Маршалов, посмотрев на эйфоричное выражение её лица, спросил:

— Полегчало? Ну, и хорошо.

Он с довольной миной вырезал подставку для её зеркальца.

Однако, когда по выходным дням женушка зачастила в храм, Маршалов начал сердиться и подозревать неладное, да и одному-то скучно сидеть. Однажды в субботу он отправился вслед Марине, посмотреть происходящее на этой самой исповеди.

— Что у вас там за тэт-а-тэтство делается? — говорил он, смеясь.

Стоять в храме Маршалову было трудновато, мутило от запаха ладана, тело стало тяжёлым, как намокшая вата, вся его левая сторона онемела, словно на неё положили каменную руку. Один неотвязчивый вопрос сверлил мозг: “Чего ты сюда припёрся?” Ответа он не находил. Одним словом, на душе у него было скверно. Лишь заметил, что когда перед иконостасом появлялся молодой красивый священник и тенором произносил что-то на своём “птичьём” языке, Ромка вздыхал с облегчением.

Потом, когда жена отдала своё пальто и отвела на скамью, как она сказала, в “правом приделе”, Маршалов с удивлением увидел, что этот “батёк” (так он про себя называл священников) вышел на амвон перед группкой молодёжи, состоящей в основном из девиц в юбках до полу и некоторого количества молодых с короткими бородками. Отец Святослав был подтянут, высок и строен, с живыми голубыми глазами, русые волосы длинные, как это часто водится у священников, лицо обрамляла окладистая борода.

Батюшка улыбнулся исповедникам, прочитал молитву, а потом сказал, что надо проделать работу над ошибками, и с мягким юмором принялся описывать состояние некоего студента-неофита, который, переступив порог храма, начал меняться не в лучшую сторону: одеваться как попало, волосы нечёсанные, штаны с оттянутыми коленками или, огорчая маму, объявлять голодовку, которую называл постом, и на устах у него одно лишь стенание: “Объядохся, опихся и без ума смеяхся”, — чем напугал родных и близких.

Некоторые слушающие, узнавая себя, тихо хихикали.

“Опаньки, что творят... — с удовольствием слушал Ромка. — Надо Маринку заставлять есть побольше. А то запостилась, дурочка”.

В этот раз на исповеди отец Святослав то ли по наитию, то ли увидел её вместе с мужчиной, выразительно посмотрел на Маринино обручальное кольцо и спросил:

— Вы замужем, а где же супруг?

— Да вот он, сидит в углу с моим пальто.

Батюшка даже руками всплеснул:

— Да что вы! Подумать только, какое благородство! — Вдруг он обратился к ожидавшим его людям: — Простите, друзья, я сейчас вернусь.

Стремительным шагом он направился к Роману. Марина увидела испуганное изумление на лице мужа. Батюшка что-то спросил, тот кивнул в ответ, пошёл быстрый, оживлённый разговор, и скоро епитрахиль накрыла Ромкины кудри. А отец Святослав уже спешил обратно к исповедникам.

Из церкви Маршалов вышел ошеломлённый, после исповеди у него даже руки дрожали. За несколько минут этот Святослав перетряс всю его жизнь, залез в такие глубины, куда он и сам не заглядывал, заставил признаться в том, что стыдно вспомнить. “Чего я вдруг так ему открылся? Вам нужен духовный отец... Нет уж, я выбираю свободу”, — рассуждал он про себя. Марина шла рядом весёлая, ласкалась, преданно заглядывая в глаза. “У всех там улыбки юродивых, чудные какие-то, и эта туда же...” — думал Рома, оглядывая по-хозяйски жену.

На следующий день муж всё же причастился. За время поста он стал замечать, что Марина повеселела, появились признаки своеволия, то есть, несмотря на его неудовольствие, продолжала бегать в храм. Радостное лицо жены Маршалов воспринимал болезненно, ему больше нравилась её меланхолия. Очень быстро вокруг них собралась команда “платочков”. Студентки Маша, Даша и Наташа стали забегать на чашку чая, поболтать. Вроде бы ничего эксцентричного — две художницы и одна — с физмата МГУ, даже весёлые, но всё равно, на взгляд Маршалова, какие-то малахольные.

“А Марина за ними потянулась: обзавелась длинной юбкой, косынку напялила и не снимает. Ладно, наиграется и бросит”, — успокаивал он себя.

Маршалов даже не догадывался, что батюшка, во избежание разлада в семье, вздохнувши, сказал, что если муж против, то в пост ложа не разделять. “Всё должно быть по любви и согласию. Невольник — не богомольник. Господь да явит над вами милость. — И ещё добавил: — Надо вам повенчаться”.

Марина было попробовала заикнуться о постовом воздержании супругов, но Маршалов её просто не понял.

— Ты о чём, красота ненаглядная?

— О посте и молитве. Мне сказали, что так надо.

— Зачем?

— Я ещё не совсем разобралась. Даша говорила — это борьба со страстями. Но, откровенно говоря, мне непонятно, как можно жареной картошкой бороться с моей хандрой. Однако решила, что нужно довериться двухтысячелетнему опыту святых отцов.

Маршалов молча улыбался.

— А ещё я подумала, что пост спасает от пресыщенности, а значит, от недовольства жизнью. Когда человек попостится, то потом радуется даже самой обыкновенной пище. Знаешь, как я о кефирчике мечтаю... А то человек привыкает к своей еде, она, в конце концов, надоедает. Постоянно хочется чего-то “эдакого”, экзотики подавай, а иначе он ноет, что жизнь не удалась.

— Ты о чём, малыш? Выпей кефира и успокойся.

— Я просто рассуждаю. Или вот муж пресыщается своей женой, ему начинает ещё кого-то хотеться. А когда они воздерживаются друг от друга во время поста, то потом муж рад своей жене, она ему. И больше им никого не надо.

— Мне и так не надо, что за комплексы? — Маршалов погладил её по голове и притянул к себе.

Марина не привыкла дерзить мужу. Вдобавок боялась, что Роман начнёт надирать свою душу её “нелюбовью”. Однако она всё глубже уходила в приходское дружество. Новые знакомые не были похожи на привычных хористов и студентов, здесь она чувствовала к себе общее участие. Правда, ни на студенческие пирушки, ни на чайные посиделки прихожан она не ходила — надо было всегда спешить домой к мужу. Но тут её знакомые барышни засобирались в Пюхтицы, женский монастырь, и позвали с собой.

Маршалов скрепя сердце разрешил эту поездку. Проводил девчонок до Ленинградского вокзала и сам посадил на таллинский поезд.

Марина впервые переступала порог монастыря. Первое, что поразило в обители, — это гармония природы и архитектуры. Прекрасный каменный собор, деревянные терракотовые домики под зелёными крышами словно выросли из окружающих их лесов и полей. Радовало глаз и сердце обилие цветов, пение птиц, наверное, как в раю, и что вокруг так много неба и света. Марина подумала, что реально перешла в мир инобытия.

В один из вечеров, задержавшись на всенощной службе, она возвращалась в их домик. Любуясь звёздным небом, Марина перевела взгляд на землю и... остановилась. Она не могла пошевелиться, увидев перед собой взывшийся ниоткуда тёплый голубой свет и чувствуя тонкое благоухание, словно из огромного цветущего сада.

Дома хмурый Маршалов сразу это заметил:

— Тебя что там, кастрировали?

Скоро по друзьям и знакомым разнеслась весть, что Марина сошла с ума, ездит в монастыри, надела траур по своей жизни. Насочиняли, увидев её в черном, когда они с Маршаловым приходили на общий хоровой капустник. А в реальности Марина, отстояв в “Весне” три часа в огромной очереди, купила себе чёрное пальто — ничего другого там не оказалось.

Ромка начинал заметно комплексовать и нервничать, время от времени устраивая сцены:

— Святослав сказал, Святослав посмотрел, Святослав чихнул. Ты о чём-то другом можешь вещать?

— Надо говорить — отец Святослав. Я задаю батюшке вопросы о моей жизни, правильно ли поступаю. Кажется, что мы не так живём.

— Он мне не отец! Поняла? У тебя чё, свои мозги усохли? Или ты в него влюбилась? Пристаёшь всё время, — Рома зло рассмеялся.

Марина выразительно покрутила пальцем у виска.

— К твоему сведению, у батюшки красавица жена на клиросе поёт. Она всегда ждёт его после службы.

— Да неважно, батюшки-матушки. — Маршалов раскипятился не на шутку. — Поклонницы всегда носятся за артистами. Святослав-то большое дело совершает, а вы там, дуры... Стоят, рот разинув, мешаются только.

Марина ничего не поняла из его слов, но оскорбилась в своих лучших чувствах.

— При чём тут артисты? Запомни, больше всех на свете я люблю Бога. А батюшка о Нём рассказывает. Если ты меня любишь, то поймёшь это и поделишь.

— Ха! Бога, значит?!.. — Маршалов хмыкнул. — Я тоже, птичка моя шизокрылая, люблю распрекрасные истории, но не шизую! Христос — это лишь красивая сказка. За-по-мни, мне нужна сво-бо-да, а не отцы. Поняла? Дурочка...

— А я как раз освобо-ди-лась от страха смерти.

Марина последние несколько лет мучилась от кошмарного наваждения. Она была так потрясена уходом Никиты, что тоже, как уже говорилось,

собралась умирать. Но когда глубоко задумывалась об этом, её подавляли безумная тоска и ужас и терялся смысл всего окружающего. Жить для того, чтобы тебя, в конце концов, съели черви?..

Когда Марина крестилась, а потом стала исповедоваться и причащаться, то вопрос этот перестал стоять перед ней тёмной бездной. А потом и вовсе исчез, словно дым. Остались отголоски безутешной боли, особенно оттого, что не может поминать своего младенца в записках и на панихидах, но животного страха смерти она больше не испытывала.

— Фух! Я тебя, конечно, поздравляю, но об этом мы поговорим позже. — Маршалов развернулся и ушёл с тёмным лицом. В последнее время он часто ходил именно такой. Он видел, что между ними появилась пропасть и расстояние растёт, надо что-то делать, но ему всё не нравилось в жене. Такая классная герла была, юбочки — короткие, кофточки — завлекательные, фигурка — точёная, коленочки, грудь, глазки светятся... Пройтись с ней — все мужики оборачиваются. А теперь — чучело в широкой юбке, баба на чайник, появиться вместе стыдно, так бы и удрал на другую сторону улицы.

Марина пыталась к нему приласкаться, пригладить кудри или растормошить, но слышала только:

— Отстань!

Минутами было тяжело смотреть на отчуждённого и мрачного мужа. Таким она его раньше никогда не видела. Маршалов лежал на диване, свернувшись в позу эмбриона, и не пускал её к себе. “Боже, о чём он думает? Как любить такого?” — тосковала Марина.

Романа одолевала хандра, возможно, совесть нашёптывала: что-то он делает не то. “Ну, чё я с ней в храм пойду? Стоять там, как истукан?! Скучно, тошно и матюкаться хочется... Это Марина офанатела. Батёк кадиллом машет, она млеет, а я с какой стати там мучиться должен? Не верю я, театр всё это”. Распаяясь от этих мыслей, Ромка сердился на жену. Марина со страданием заглянула в глаза, а ему хотелось крикнуть: “Оставь меня в покое!”

— Я устал. Ты притягиваешь несчастья! — проговорил муж сквозь зубы.

— А может, это твои цветы зла распускаются? — тихо ответила жена.

Марина сильно утомилась от такой обоюдоострой жизни. Иногда по вечерам она стояла у дома, уныло смотрела на горящие окна их квартиры и собиралась с силами, чтобы отправиться туда. Зато потом начинала молча, но яростно молиться о мире в семье и чтобы муж пришёл к вере. Однажды Ромка всё-таки добрался до Литургии. Отец Святослав причастил его после покаяния, даже без “приготовления”. Но Рома этого поощрения священника не оценил и продолжал язвить по поводу “сёного батька”. Марине так и хотелось пропеть ему: “Тёмные силы нас злобно гнетут”, — но, опасаясь обострения, она не шутила.

Однако и рук не опускала: упорство было главной чертой её характера. Марина стала ездить по святым местам и молиться о своей семье, пытаясь вовлечь в это действо и Романа. Однажды подружка Маша рассказала, что в Печорах-Псковских живёт известный старец, и он расскажет всё, как есть. Марина загорелась идеей попасть к нему.

Отец Святослав благословил съездить помолиться, передал поклоны и гостинцы знакомым монахам. Как на аркане, она потянула за собой Маршалова, тот отбрыкивался всеми силами, но Марина купила билеты в Псков и слушать ничего не хотела. Был вечер накануне 8 Марта, выпавшего в этом году перед воскресными выходными. У них было целых три дня, чтобы побыть в монастыре.

В Печорах Рома будто и не заметил мощных крепостных стен монастыря-крепости, и парящих над ними, словно вышедших из русских сказок, куполов Успенского храма. Не удивили его и таинственные Богозданные пещеры с песчаными узкими и тёмными коридорами, непонятно какой силой удерживаемые без всяческих опор. Глядя на все эти чудеса, Ромка криво усмехался: управлять жизнью должен мужчина, и роль ведомого его не устраивала.

Единственное, что его заинтересовало и смутило, — это кликуши, которые прямо в храме ни с того ни с сего то хрюкали, то гавкали. Становилось не по себе, так искривлялись в эти мгновенья их лица.

— Это они притворяются, — сказал Маршалов жене с ехидством. — Ломают комедь, чудики.

— Главное, нам с тобой не закукарекать. А то вылезет вдруг неуправляемое “подсознательное”, и запоёшь басом, как эта тётка, — в тон ему ответила Марина.

Её волновал только один вопрос: где найти старца? Марина на проходной у братского корпуса умолила дежурного пропустить к нему. Тогда идущий мимо послушник повёл их в какой-то длинный дом, где на цокольном этаже закрыл в белой, отделанной кафелем комнате. Марина и Роман молча смотрели друг другу в лицо. Вдруг распахнулась дверь, на пороге стоял невысокенький старый монах в чёрной до полу мантии. Большие карие глаза под огромными очками прошлись по ней как рентгеном, у Марины даже озноб по спине пробежал. Потом старец так же осмотрел и Маршалова. Вдруг, глядя прямо ей в глаза, спросил: “Расписанные?” На Маринин согласный кивок произнёс тихой скороговоркой: “Ты живёшь одной жизнью, одним духом, он живёт другой жизнью, другим духом, как вы вместе будете, я не знаю”. Марина изумилась этим странным словам. Маршалов, видимо, их не расслышал.

— Какие у вас вопросы? — продолжил разговор батюшка.

— Да вот она не жрёт ничего, и так малосильная, — пожаловался вдруг Маршалов.

— Сейчас пост, есть надо щи, макароны, ну, картошку там, салаты, — как-то очень просто сказал старец.

— А я все это и ем, — растерялась Марина.

На этом аудиенция закончилась. Она не поняла, что это был за ответ старца на её молитвы и слёзы.

В конце паломничества по просьбе жены Рома на улице вылил ей на голову ведро святой воды из родника Иоанна Предтечи, чтобы мысли просветлели. Марина тут же заболела, температура подскочила за тридцать восемь. Домой она отбыла в полусознании.

Ромка уложил жену на вторую полку общего вагона, других билетов не было, и стал с тоской смотреть в окно. Дома приготовил ей макаронный суп и сказал сердито:

— Ешь... Но варю тебе в последний раз в жизни.

Марина не узнавала своего мужа. Это был какой-то другой, не знакомый ей человек: Может, его стройка изломала? Там все страдают и матом ругаются. Зачем он пошёл в прорабы? Лучше бы музыку детям преподавал. Вечером навестить её приехала мама. Маршалов сразу отправился домой, повидаться со своей родительницей. В последнее время они подолгу говорили по телефону, после чего муж становился задумчивым и грустным. Глядя на него, Марина чувствовала нелюбовь к себе свекрови.

Зато в другой, церковной жизни происходили глобальные перемены. Отцу Святославу дали восстанавливать разрушенный храм. Вся ватага молодых и задорных повалила вслед за ним. Они быстро разобрали перекрытия второго этажа, сделанные ещё после войны, очистили здание от хлама и мусора. Над его восстановлением трудилось много людей. Не хватало денег, автомашин и строительных материалов. Прихожане работали благотворительно, а рабочие — за очень низкую зарплату. Когда привозили кирпичи для ремонта стен, нужно было разгрузить машину. Собирались люди, и даже детшки становились в цепочку и передавали друг другу по кирпичику. Затем их отправляли лебёдкой в ведре наверх: подъёмник отсутствовал.

Вскоре дыры в стенах были заделаны, купол укреплён, но в общих чертах храм всё же напоминал римские катакомбы. Полинялые стены, разбитый мраморный пол, а из тёмного свода вместо паникадила на длинном проводе из патрона торчала огромная лампа в сто ватт. В неотапливаемом храме царил лютый холод. Батюшка ходил в валенках, мальчишки-алтарники рассказывали, что даже теплота в алтаре замерзает. Однако постепенно жизнь стала налаживаться, было проведено отопление, храм наполнялся людьми. Марина вспоминала это время, как лучшие годы молодости.

А Маршалов отстранённо наблюдал, как у жены началась своя интересная и независимая жизнь. Когда она приходила из храма, его всё в ней уже откровенно раздражало и отторгало: и тихий вид, и свет в глазах, и чудился неприятный запах ладана. Ему стало казаться, что Марина день ото дня хорошеет, взрослеет, умнеет, проявляет характер. Вдобавок ко всем несчастьям жена удачно устроилась на фирму и стала зарабатывать больше него. Маршалов, которому на стройке часто задерживали зарплату, воспринял это как личное оскорбление. Вечерами он полюбил сидеть в кресле, как нахолившийся воробей, и молча погружаться в мир всё тех же любимых импрессионистов. “Она должна меня слушаться. Пусть выбирает: Святослав или я. Или идёт, куда хочет. Коза-попрыгуншка”.

Если бы Рома допустил мысль, что жена могла сначала чересчур увлечься церковной жизнью и нужно немного потерпеть, пока это войдёт в спокойное русло, или хотя бы предложить ей альтернативу, но только не ругаться, тогда бы их тандем выскочил на правильную дорогу. Возможно, он уже устал от жизненных потрясений и плохо соображал, что делать, или, действительно, к сожалению, начал превращаться в жлоба. Марина тоже порядком утомилась от всего происходящего в семье. Выстраивать их отношения по-новому, объясняться она боялась из-за грубостей мужа, и от собственных переживаний часто забывала, что Рома тоже имеет право на понимание, на свою жизнь и собственное мнение, что надо друг друга видеть, ценить в ближнем свободную личность и уважать её. К прискорбию, супруги уступать не хотели.

Однажды между ними произошёл знаменательный разговор.

— Марина, ты должна найти себе другого батька! — требовательно начал Ромка.

— Почему? — испуганно спросила жена.

— Ты перестала меня слышать. Скачешь в разные стороны.

— Я вернулась к жизни. А тебе хочется, чтобы я и дальше сидела взаперти, а ты надо мной чах? Ты царь Кощей? — пыталась отшутиться она.

— Хватит дурдома! — крикнул Маршалов.

Она нахмурилась.

— Духовника так запросто не меняют. Это не перчатки. Чего ты к нему привязался? Даже если найти другого, всё равно же в храм ходить буду.

Она посмотрела Маршалову сердито в глаза.

— К тому же, кроме отца Святослава, у меня появились хорошие друзья, которые могут стать и твоими.

Марина воодушевлялась.

— Мы возрождаем храм восемнадцатого века. Тебе бы там нашлось дело, как строителю. На клиросе мог бы петь, ну, мы вместе... Да и руки у тебя золотые, вон какие орнаменты вырезаешь. Научился бы делать киоты для икон. Это чудо как хорошо — самим святыню восстановить. Храм — основание России, всей нашей государственности...

— Меня это не интересует, — перебил он восторженные слова жены. — Я человек маленький и ничем не примечательный. Мне дети нужны. Займись семьёй, иначе мы разведёмся. Мир не может всегда вращаться вокруг тебя.

Она обмерла, в следующий миг, придя в себя, стала оправдываться:

— Ты же не голодный, дома чисто, свитер тебе вяжу по дороге в электричке. Ты же знаешь, было обследование: я здорова. Детей Бог даёт. — Марине хотелось сказать, что ему надо и на своё поведение посмотреть внимательно, но она опять промолчала.

— Кажется, в деле деторождения от нас тоже что-то зависит. А у тебя то пост, то золотуха, — насмешливо ответил Маршалов.

— Да какие посты? Только перед причастием...

Она совсем сникла. Стало понятно, что муж сейчас высказал свои “думы потаённые, мысли окаянные”.

— Прости, Рома, но я тоже, как ни странно, человек, поэтому имею право на радость в жизни.

— Да, конечно, но тогда без меня.

Однако продолжения этот разговор не имел, всё осталось по-прежнему. Марина чувствовала, что они на всей скорости несутся в тупик, и ничего не могла придумать. Близкий человек её не принимает. Трудно укреплять отношения, когда смотрят сквозь тебя. Она решительно не понимала, то ли надо всё время сидеть с мужем дома, то ли наоборот, уводить его в гости, театры и концерты; и, уже порядком утомлённая невзгодами, ничего не предпринимала. Только с болью замечала, как Маршалов всё больше отдаляется душой, становясь непонятным и злым. Словно что-то для себя решив, Рома тоже стал возвращаться поздно, иногда не ночевал дома, объясняя, что был у мамы, которая скучает.

Жизнь Марины становилась невыносимой. Кто бы мог подумать, что всё так обернётся. Она привыкла, что её любят, слушалась мужа, но сейчас он часто оскорблял её или нёс чепуху. Нельзя же сидеть дома и всё время разглядывать одних и тех же декадентов. И не надоело? Должно же что-то в жизни меняться!

Лишь исповедальные беседы у отца Святослава успокаивали и утверждали Марину в вере, что мир наш хороший, светлый и добрый. Однажды на её слова о невыносимом отчаянии батюшка сказал: “Всё вокруг нас пронизано Господом и лучится Небом. Но чтобы это видеть, нужно иметь в себе Христа. По мере этого приобретения мы будем видеть землю как чудо, как сказку... — при этих словах он посмотрел на Марину и улыбнулся, — как Литургию”. Своим светлым взглядом батюшка вдохновлял её жить.

Сердце Марины в этой борьбе за Рому всё изранилось. Она была искренне привязана к нему, но в то же время, глубже узнавая Бога, чувствовала Его не отвлечённой идеей, а живой радостью и высшим смыслом. Марина теперь по-новому любовалась закатами и восходами, небом с облаками, добрыми людьми, щебечущими птицами, прекрасными цветами и согревалась любовью к Богу, создавшему вокруг неё такое чудо. Ему можно было рассказать о своих горестях, и Он слышал, жалел и помогал. Поплачешь перед иконой Спасителя, и сердце успокоится, а там, глядь, и дело к лучшему пошло.

Только в семье не ладилось. Насильно-то человека не переделаешь: Бог дал ему свободу. Марина рвалась душой. Муж требовал внимания только к себе, но она не могла предать Христа и совсем не хотела возвращаться к прежней жизни. Боялась, что затянет житейское болото, она перестанет видеть дорогу в Небо, и жить вновь станет скучно. “Маршалов предлагает выбор: или он, или Бог, и как я пойду за ним в никуда?”

В том году на Пасху Рома после долгих уговоров пришёл на службу, но отца Святослава в упор не увидел, а о том, чтобы исповедоваться и причаститься, и слышать не захотел. Когда батюшка и отец дьякон, меняя разноцветные облачения — красные, синие, зелёные, золотые, — обходили храм, радостно восклицая: “Христос Воскресе!” — Роман ещё стоял и смотрел. Затем притащил себе в притвор стул, лёг головой на стол, где писали записки для поминовения, и проспал всю пасхальную заутреню. На рассвете, открыв глаза, отёкший и замёрзший, Маршалов, выйдя после окончания богослужения на улицу, накричал на жену и сказал, что ноги его не будет в этой руине.

Подавленное настроение пасхальных дней оживил неожиданный приезд Бориса с сыном Павликом. Боря после музыкального училища уехал в Орёл, там женился, а сейчас хотел, чтобы Марина стала крёстной матерью его сына.

Марина, улыбаясь, смотрела на симпатичных отца с сыном: оба светловолосые, в белых рубашках, и галстуках-бабочках. “Никита был бы сейчас такой же. — думала она. — Слава Богу, что у других здоровые дети”. Павлик, широко открыв голубые глаза с огромными ресницами, слушал, как тётя Марина рассказывает о Боге. Она уже договорилась в ближайшем храме о его крещении.

Сидели до трёх часов ночи, вспоминали хор, говорили о предстоящем таинстве.

— Вот я крестился, — выступал подвыпивший Роман, — думал, приобщусь мудрой, красивой сказке. А эта дура, — он указал на Марину, — взаправду верит и к батькам бегаёт.

Пока Маршалов произносил эту тираду, Боря с Мариной грустно посмотрели друг на друга.

— Ты всё сказал?! — вспыхнула она.

— Да. — Маршалов пьяно улынулся.

— Садись: неуд!

Он удивлённо и обиженно посмотрел на свою обычно кроткую жену.

— Ты чего так смотришь? Звезду у меня во лбу увидел? — не унималась она, но Маршалов опять промолчал. Не затевать же при друге ссору.

На следующий день случилось непредвиденное: на крещение ребятам попасть не удалось — проспали. Они бежали, ехали на такси, прошли полосу препятствий, но когда оказались в храме, тамошний батюшка уже сидел в машину, чтобы ехать на требы.

— Миленькие-родные, давайте в следующий раз. — успокаивал он привыкшую компанию.

— Они сегодня уезжают далеко. — печально сказала Марина.

— Это значит, что надо креститься в своём городе, — ответил батюшка.

На этом грустном решении они и расстались с Борей и Павликом.

Летом всё пошло вкривь и вкось. Маршалов, видимо, в знак протеста повадился ещё чаще уезжать домой к маме, обижаться на любую мелочь и скандалить.

Отец Святослав на её исповеди о семейной жизни однажды сказал:

— Пусть делает, что хочет. Сам и будет пожинать.

Родители просили Марину меньше быть в храме, потому что это ведёт к распаду семьи. Приступили к ней штурмом со всех сторон. Даже Анна Петровна сурово попеняла: “Что это ты по монастырям носишься? Замужняя женщина. Неофитство всё это”. Марина никогда не рассказывала, что у них происходит дома, все вокруг считали Романа жертвой.

Она, по послушанию родне, некоторое время пробовала не ходить в храм, но Роман, словно ничего не замечая, по-прежнему отпускал по её поводу саркастические шутки.

— Ты глупая женщина, Марина... Растолстела, посмотри, на кого похожа... Юбка длинная, платок намотала — маразм крепчал...

В конце концов, она не выдержала и опять стала по выходным уезжать от семейных сцен в разные восстанавливающиеся монастыри, где на безопасном расстоянии всё время молилась о себе и муже, который уже остался где-то за поворотом.

Роман в такие ночи лежал один в холодной постели, думал с тоской: “Ребро, говорит, я твоё... — И тяжело вздыхал. В груди болело, как будто, действительно, сломали ребро или под дых дали. — И чё она о себе воображает? Баб, что ли, мало вокруг?”

Однажды, возвратившись из очередной монастырской поездки, Марина с ужасом увидела, что на кухне вместе с Маршаловым сидит незнакомая, довольно миловидная женщина, и они пьют пиво.

— Привет! — развязно сказал Ромка. — Приехала? А мы тут с Наташей день ребёнка отмечаем.

— Простите, я, кажется, вам помешала.

— Заходи, пивка попьём. Присоединяйся, — ухмыляясь, ответил Маршалов. Ему казалось, он был отомщён за свои страдания и сейчас празднует победу. Подумать о последствиях Рома забыл.

— Когда-нибудь в следующий раз, — выпалила Марина и бросилась вон из квартиры.

Дальнейшие события понеслись лавиной. Наташа оказалось девушкой упорной и отпускать Рому не собиралась: “А почему, собственно? Жена сдаётся без боя, значит, он ей не нужен”.

Развод, разъезд и всё, с этим связанное, ушло из памяти. Осталось только, как однажды позвонил пьяненький Маршалов и сказал, что им можно было бы опять попробовать пожить вместе.

— А как же Наташа? Ты о ней подумал?

— Она пуленепробиваемая. Даже не почувствует.

— Хорош, ничего не скажешь. — Марина посурела. — Меня сделал несчастной, а теперь её хочешь припечатать. Не слушается, что ли? Так люди ведь не роботы, ты на себя сначала посмотри...

— Да я по тебе соскучился, Маринка. Дурака тогда сваял... — Голос его дрогнул.

Она на миг замерла.

— Нет, Маршалов, прости: на чужом несчастье счастья не построишь. Это прописная истина, но работает она железно. Да и я не изменилась и не собираюсь...

Трубка молчала. У Марины горло сжал спазм, и она быстро закончила:

— Я желаю вам с Наташей счастья, насколько оно возможно на земле. Прощай, дорогой.

Глава 7. Приносите людям радость

После развода залечь снова в постель и предаться унынию Марине не удалось. В день Преображения Господня грянуло: страну потрясло, когда случилось ГКЧП. Вместо новостей по телевизору закрутилось “Лебединое озеро”, а на Тверской появилась военная техника. Союз замер в напряжённом ожидании и страхе. За отчаянной и безнадежно проваленной попыткой чекистов сохранить советско-социальное государство начался его развал. Привычная жизнь рушилась на глазах, и всё летело кувыркком: экономика, армия, медицина, система образования, а за обесцениванием денег приполз голод.

Отец этих ударов молота по наковальне не пережил. Владимир Петрович без ума любил свою страну, гордился ею, искренне считал, что советский строй — лучший в мире. Когда вдруг всё постепенно стало катиться под откос, а жизнь единственной дочери наполнилась страданиями, он всё больше начал уходить в себя. Тут случился первый инфаркт, а через несколько лет последовал другой. Сначала Марина и мама с тревогой начали замечать, что он впадает словно в короткие обмороки. Лицо Владимира Петровича становилось совершенно белым, он опускался головой на спинку кресла и лежал какое-то время недвижно, а через несколько минут приходил в себя.

— Давай вызовем “скорую”, — умоляла его Марина. — Вдруг тебе на работе станет плохо...

— Не надо. Так пройдёт. Нужно просто отдохнуть.

В эти последние его дни Марина спросила отца-атеиста, заглядывая ему в глаза:

— Папа, почему ты не веришь в Бога? — Этот вопрос она стала задавать близким людям, которые в ответ сердились или ехидно улыбались. — Ведь Он всё нам дал, начиная от дыхания и кончая бесконечным космосом.

— Я не знаю Его, — тихо ответил отец.

Марина замолчала, потом начала молиться в своём уголке, где когда-то играла в куклы.

На следующий день все вместе пили чай. Отец неожиданно сказал:

— Вот ты говоришь, что я против Бога. А я не против Него, мне ваша Церковь не нравится.

— Не продолжай, папа, не надо, — заволновалась Марина. — Мы ничего не знаем. — Она обняла его за плечи. — Я так рада, что ты не против Бога.

Вскоре после этого разговора поздним вечером отец упал и, наверное, не слышал её крика. Марина позвонила в “скорую”. Приехала она, на удивление быстро, врачи констатировали инфаркт. Часа два отца возвращали к жизни, потом, сидячего, несли в машину. Мама поехала с ним в больницу, при прощании они договорились днём увидеться. На следующее утро позвонили из приёмного покоя и сообщили, что Владимира Петровича не стало.

Марина в немом оцепенении сидела на полу и, не отрываясь, смотрела на икону Спасителя. Вопросов “За что?” и “Почему?!” не было. Произшедшее не укладывалось ни в уме, ни в сердце, но она верила, что Бог всё устраивает во благо: отцу, вероятно, пора было уйти. “Может, он устал

мучиться?” Этот очередной непоправимый удар судьбы она вынесла более стойко, чем прежние: хоть и гнулась, да не ломалась. Укрепляло осознание, что надо довериться Богу и жить дальше, работать и приносить миру радость. В душе Марины уже давно происходили удивительные процессы. Любовь к сыну и его быстрый уход словно переродили всю её хрупкую натуру. Даже с психикой что-то произошло. Она стала видеть во взрослых людях младенцев, которых когда-то давно любили мамы. Она начала относиться к окружающим с необъяснимой материнской нежностью. Стало всех жалко, и сердце Марины болезненно сжималось при виде чужого горя. По мере сил старалась утешить встречавшихся на её пути несчастных. А их становилась всё больше и больше: в стране наступил бардак.

Кровавые события октября 1993 года Марина почти не заметила, потому что несколько месяцев сильно хворала. Момент штурма Белого дома она провела в больнице. Потом ей рассказывала подруга-челночница, которая в эти дни находилась в Турции. Как она набрала шмоток, приехала в аэропорт, где узнала, что самолёты в Россию не летят. Бросилась звонить домой, но связи не было, от ужаса она выпила коньяку и долго плакала. Когда русские пассажиры, наконец, прорвались на родину и на подлёте к Москве внизу на одной из дорог увидели колонну танков, тогда по салону прокатился выдох ужаса. Потом танки начали стрелять по безоружным людям, сидевшим в Белом доме...

В тот момент наше народовластие истребили ещё в зачаточном состоянии. Это до сих пор аукается. Страна долго приходила в себя после очередного потрясения.

Марина сильно страдала от того, что личная жизнь у неё развалилась. Лаврский старец на вопрос о семье ответил, что можно думать о втором браке, но не лишь бы выйти, а только за очень надёжного человека. Эти слова её сильно озадачили: где же такого встретить?

Время от времени за спиной Марины появлялись безмолвные тени. Повторялась одна и та же история. Человек подходил молча, становился рядом, а затем двигался следом, что походило на преследование. Марина отстранённо наблюдала, недоумевая, что́ бы это значило. Если это знаки особого внимания и расположения, то она считала, что мужчина сам должен проявлять инициативу, и упорно молчала. Однако развития действия ни разу не случилось, и Марина начинала сторониться таких недоразумений.

У неё был приятель, физик, добрейший человек, вдобавок сразу спешивший Марине на выручку. Иногда они встречались, чтобы попить вместе чайку на её кухне. Однако, когда друг начинал говорить много, медленно и долго, с аргументами про и контра, ей хотелось стукнуться головой о стенку. Марина, с юности заражённая вирусом творчества, привыкла видеть вокруг себя людей ярких, фонтанирующих, а с мужчинами обыденными томилась. Изредка приходило чувство, что в её жизни не хватает светло-русых кудрей и голубых глаз, и когда она их вдруг встречала, то сердце тихо замирало.

— У тебя пожизненная ария героини. Но, сама понимаешь, таким женщинам с дуэтом сейчас туго. Мне вообще кажется, что идеал бывает только в книгах и кино, а в жизни у каждого свои закидоны, — сказала однажды Полина, подруга детства из хористок. — Неси крест гордого одиночества или смирайся и выходи за простого смертного.

— А если мне с ним скучно? — грустно спросила Марина.

— Сиди одна, — резонно ответила подруга.

Однажды на исповеди Марина решила выплакать батюшке своё недовольство судьбой. Отец Святослав внимательно слушал, а потом неожиданно сказал:

— Вы мало благодарите Бога.

— У меня, к сожалению, не так много поводов, — тихо возразила Марина.

— Вы в этом уверены? — Отец Святослав посмотрел на неё искоса. Марина вдруг увидела себя в стильном (работа на фирме обязала её следовать моде) итальянском пальто и кожаных немецких сапожках на фоне бедно одетых женщин. “Не это главное”, — мелькнуло у неё в сознании.

— А за солнце над головой? — добавил батюшка и перевёл разговор на другую тему. — У меня будет к вам просьба передать лекарство одному нашему прихожанину. Он болен, в храм не ходит. Ему нужна помощь.

— Схожу, батюшка, с радостью.

Забрав упакованную небольшую коробочку, Марина побежала по указанному помощницей отца Святослава адресу. По дороге она накупила фруктов, печенья, зефира в шоколаде и всяческих вкусностей. Дверь открыла женщина, очень обрадовалась лекарству и тут же отворила соседнюю квартиру.

— Олечек, к тебе пришли. Принимай гостью.

Марина вошла в прихожую.

— Кто там? Заходите! — услышала она здоровый бодрый голос.

— Здравствуйте, меня зовут Марина, — сказала она, снимая пальто.

— А меня — Олег.

Когда прошла в комнату, её сердце болезненно сжалось. Перед ней на длинной узкой кровати лежал, опершись на локти, симпатичный молодой человек. Над его головой висела шведская стенка с разными спортивными приспособлениями. Очевидно, он лежа упражнялся.

— Какие красивые люди к нам пожаловали, что ты! — шутивым голосом приветствовал её Олег.

— Отец Святослав кланялся и прислал вам лекарство.

— Дорогой мой человек, я благодарен! У нас ведь нет такого, что ты... Батюшка его в Америке достаёт. Видишь, я тут загораю, мне горючее необходимо.

Марина выложила на стоявший перед кроватью журнальный столик фрукты со сладостями. Олег по случаю их знакомства объявил банкет.

Вскоре они пили чай и беседовали, словно были сто лет знакомы. Как-то само собой получилось, что рассказали друг другу о своей жизни. Как поняла Марина, он был милиционер — рубаха-парень.

— Что ты, не знаешь? — Олег удивлённо распахивал глаза. — Вологодские — заводные ребята.

Но однажды на задании ему перебили ноги. Жена предложила переехать в дом инвалидов, пообещав, что сын будет навещать, но Олег отказался. Когда мать привезла его на коляске из больницы домой, жена молча выстала на порог чемодан и закрыла перед ними дверь. Олег было отчаялся, но Бог пропасть не дал.

— Сперва жили в семье брата, в квартирке четырнадцать метров. Друг-милиционер сказал, чтобы заезжал в пустую квартиру в этом же подъезде. “Если что, мы прикроем. Действуй”.

— Въехали мы туда с маманей, а сосед настучал в ЖЭК. Пришли оттуда, как полагается, вызвали милицию. А криминала-то не было: я — на коляске, да мать старуха. Милиция постояла, да и ушла. Потом наш участковый с ЖЭКом договорился.

Дальше Марина узнала, что семья прихожан познакомила его с отцом Святославом. Он благословил Олега искать помощи у святого Даниила Московского, устроителя квартирных дел, и писать о своей беде во все инстанции, и сам за них Бога просил.

— Вырулили, — торжественно объявил Олег. — Высокий милицейский чин откликнулся на мои жгучие просьбы. МВД обменялось с муниципалитетом жилищным фондом, нас прописали в той квартирке. Наконец-то сделали ремонт. Мама наша вдруг умерла, брат с семьёй меня опять поддерживать стал. Потом ветхое жильё под снос. Нам позвонили и сказали, что в новом доме мне и брату дадут квартиры на одном этаже. Инстанция сама ужасно поразила такому совпадению. Теперь брат с женой меня бьют.

Марина смотрела на живое, с выразительными карими глазами лицо Олега, на его светло-русый ёжик и грустно думала, что она, хоть и на ногах, но в сравнении с этим человеком — каракатица, размазня и хлюпик.

— Батюшка учил меня просить у Бога радости и благодарности. Теперь благодарю Бога за то, что сегодня утром открыл глаза. Ведь этого могло не произойти...

На протяжении всех этих лет отец Святослав почти каждый месяц приезжал исповедать его и причастить.

— За счёт чего и держусь, он мой спасительный круг, — закончил свой рассказ Олег. — Как станет неумоги, зову его. Хотя учусь внимание с себя переводить на других. Дорогому батюшке низкий поклон.

После этого “банкета” началась их многолетняя дружба. Часто “в минуту жизни трудную” Олег утешал и подбадривал Марину:

— Посмотри на меня: видишь? У тебя всё хорошо, а будет ещё лучше. Что ты, что ты... — растягивал он по-северному свою присказку.

Однако Марина перво-наперво вняла совету Олега и тоже стала просить у Бога радости и благодарения. Вскоре душа пришла в равновесие, показало: мир на девушку смотрит более приветливо, и она стала отвечать взаимностью. Река Мариной жизни вошла в полноводное русло, и многих страждущих стало приводить к её приветливым берегам, искать утешения.

Когда внезапно умер руководитель хора Александр Михайлович, у его воспитанников появилась традиция однажды в год собираться всем вместе. Марина и там, если доводилось, утешала и помогала. Кому-то устроить венчание или посидеть с детьми, креститься...

Однажды из Орла вновь приехал Борис и попросил, чтобы она устроила крещение теперь уже ему самому. Павлика в этот раз не было: Борис развёлся с женой. Стоял перед ней печальный и растерянный, но такой же красавец писанный. Марина, как всегда, им залюбовалась.

Крещение в подмосковном храме происходило по субботам. Они поехали с Борисом туда рано утром, по дороге вспоминая старую хорошую жизнь. Марина мечтала стать Бориной “восприемницей от купели”, чтобы потом, молясь о крестнике, узнавать о его жизни. Однако отец Святослав, посмотрев на них внимательно, увёл Борю за собой и задержал занавеску, отгораживающую место крещения, оставив Марину с родителями крестившихся детишек. Она с огорчением и недоумением пыталась сообразить, почему её туда не взяли.

Когда Таинство было закончено, штора распахнулась, батюшка быстро ушёл по своим делам, а Марина вручила улыбавшемуся Борису свидетельство о Крещении. Борька развеселил своими шутками мамочек, стоявших у свечного ящика, вышел из храма в радужном настроении и повлёк Марину в кафе. Слушая бурную речь новоявленного христианина, Марина коротко рассказывала ему о духовной жизни. Между прочим, сообщила, что у Ромы недавно родилась дочь.

— Ты так спокойно об этом говоришь? — удивился Борис.

— Жизнь научила меня сочувствовать чужим радостям, а я любила этого человека. В этой девочке всё утешение его жизни. — Марина смотрела на него и улыбалась.

— Если любила, то почему оставила? — не унимался Борис.

— Тогда он меня обижал, и я огорчалась... Перечила... Это был его выбор, а я уважаю чужую свободу. Насильно милой не будешь.

Счастливым день промелькнул быстро. Они немного погуляли по скверу со столетним дубами. “Огромные, как баобабы, — думала Марина, рассеянно слушая Борю. — Кто выпалывал баобабы? Маленький принц... — Кокетничала она сама с собой, но словно спохватившись, серьёзно подумала: — Экзюпери — христианский писатель. “Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь”.

Путь обратно в Москву пролетел незаметно. На Ярославском вокзале Марина начала прощаться.

— И что, мы с тобой вот так опять расстанемся? — изумлённо спросил Борис.

— Нет, когда-нибудь увидимся на нашей общей встрече. Я буду хранить память об этом чудном дне твоего духовного рождения.

— Зачем же вспоминать, когда его можно продолжать вечно? Ты же говорила, что мы не умрём.

У Марины ещё в электричке промелькнуло в голове: неужели Борис приехал к ней с ещё одним серьёзным вопросом? К этому она была не готова.

Решила: “Выдумки всё это... Такой яркий мужчина не мог бы её полюбить... Совсем не хочется блёкло смотреться на его фоне и... Второго предательства я не вынесу...” Из этих сумбурных отрывочных мыслей Марина сделала открытие, что не верит мужчинам.

— Не надо, — покачала она головой. — Другого лучше видишь на расстоянии. Как там: лицом к лицу... не разглядишь. Иди, я тебя перекрещу на дорогу. Прощай, голубчик. — Борис с грустью поцеловал её руку. В глубине души женщине всё-таки хотелось, чтобы он нашёл предлог и остался, но Борис ушёл, не оглядываясь. Марина стояла растерянная, смутно чувствуя: опять сделала что-то неправильное. От напряжения даже голова разболелась.

Через несколько лет она услышала, что Борис сошёлся с юной не то фотомоделью, не то балериной. “Молодой мужчина должен быть женатым. Хоть бы они расписались...” — покачала головой погрустневшая Марина и начала молиться о друге из детства.

Река жизни текла дальше. Со временем Марине, перегруженной бременем забот и работы, стало тяжело постоянно ездить на богослужения в Подмоскowie, тем более отца Святослава иногда посылали в миссионерские поездки и его не бывало на месте. Вокруг него постоянно собиралось так много людей, что не всегда удавалось переговорить, спросить о самом важном. Тогда она стала приходить в храм поблизости от дома к отцу Петру. Туда уже много лет ходила её мама.

Этот батюшка был совсем иным. Если у отца Святослава, ещё довольно молодого священника, в его пастырском служении всегда была импровизация и неожиданность, а на исповедях он сам выбирал людей из толпы, то у отца Петра, спокойного седовласого старца, во всём чувствовался порядок, определённая, и к нему на покаяние стояли строго по очереди. К отцу Святославу духовные чада относились душевно, даже чуть дружески, а выслушивая их грехи, он часто вздыхал, качал головой, иногда делая замечания, или наставляя с улыбкой, говорил: “Прости нас, Господи”. Отец же Пётр был отечески строг. Марина всегда соблюдала с ним почтительную дистанцию, и перед тем как подойти к батюшке, вытягивалась в струнку, а на исповеди могла получить энергичное внушение. Но слова священника были столь справедливы и сказаны так бесстрастно, что она никогда не чувствовала обиды, а соглашалась с ними и глубоко задумывалась о неправде в своей жизни. Даже хотелось взгляда со стороны, услышать замечания, дабы исправить свои душевные изъяны.

Однажды на проповеди отец Пётр произнёс строгие слова. “Нужно всегда стремиться к Богу. Хотя бывает, что прихожане очаровываются священником, а как известно: всяк человек — ложь. Поэтому случается, что кто-то со временем вдруг разочаруется в этом батюшке, да так, что даже снимет крест. Стремиться ко Христу, и тогда вас никто и ничто не смутит и не сойдёт с толку. Бывает и другое, когда люди впадают в маловерие и ропот, если о чём-то молят Бога и не получают, не понимая, что просят это себе во вред или срок не пришёл. Доверьтесь Ему и примите мысль: если сейчас жизнь так складывается, значит, это для нас самое лучшее. Ведь часто случается, что горести и неприятности со временем обращаются в радость. Тогда стыдно становится за ропот на Бога и людей”. Сначала услышанное вызвало у Марины огорчение, она вспомнила своего младенца: что же тут лучшее-то? Но потом подумала, что мы не знаем, почему так произошло, и согласилась с батюшкой.

Глава 8. Сколько людей, столько судеб

— Ты чего лежишь в темноте? Заболела, что ли? Дай, я тебе лоб пощупаю.

Лариса Викторовна задёрнула шторы и включила свет. Марина зажмурилась от ударившего в глаза электричества. Оказывается, она долго лежала в полусне, и за это время словно вся жизнь мелькнула перед глазами.

— У нас несчастье. — Она тяжело вздохнула.

— Что такое? — Мама замерла посреди комнаты.

— У Катюши вроде бы у ребёнка нашли патологию, врачи на пятом месяце требуют аборт.

— Патология, это точно? — Лариса Викторовна с тревогой посмотрела на дочь.

— Вилами по воде! Человек предполагает, а Бог располагает.

В субботу Марина, подойдя на исповедь к отцу Петру, рассказала о Катюше и её младенце.

— Аборта делать ни в коем случае нельзя — это будет убийство, — ответил отец Пётр, строго посмотрев на неё.

На следующей неделе она поехала в Подмоскowie. Хотя у Марины был номер телефона отца Святослава, и он отвечал на СМС, но ей хотелось услышать батюшку глаза в глаза. Ответ священника на её записку о семейном горе, переданную в алтарь, прозвучал во время елеопомазания, как всегда, в живой манере:

— Это у врачей патология мозга. Помолитесь о здравии младенчика, — сказал отец Святослав и крестообразно помазал её лоб освящённым маслом. — Дождитесь меня после службы, передам Катерине свою книжку о воспитании детей. Её только что привезли из типографии.

— Благодарю вас сердечно, — улыбнулась Марина.

Успокоенная мощной поддержкой отцов, она, воспрянув духом, начала свою борьбу за жизнь младенца. Вместе с мамой по вечерам она молилась о непраздной Екатерине и благополучном разрешении несчастья. Иногда поздно ночью Марина начинала плакать и просить о высшей милости к ещё не появившейся на свет, но уже обречённой на несчастье крохе. Слово смысла её существования сосредоточилось в этом ребёнке: “Он должен жить, радоваться, и быть счастливым — за Никиту”.

— Катюша, как ты себя чувствуешь? Как у вас дела идут? — Марина, позвонив племяннице, старалась говорить бодрее.

— Хорошо, тётя Марина. Я теперь хожу в храм, исповедуюсь. Правда, получается не как у людей. Подойду к нашему батюшке, скажу два слова и начинаю плакать, а он меня епитрахилью накрывает.

— Молодец, Катюша. Вместе мы несокрушимы, всех одолеем. Мои отцы тебе передали: аборт ни в коем случае не делать.

— Наш отец Виктор тоже это говорит. А ещё я икон накупила, святую воду пью и маслом от лампы мажу и лоб, и живот. Мне теперь не так страшно и тоскливо, — торопилась с рассказом Катя. — Скоро поведу мужа на исповедь, и маму надо, а папаша пока не верит, ёлки-палки. — И лихо закончила: — Прорвёмся!

— Правильно. Бог не выдаст, свинья не съест. Молиться будем, — поддержала её обрадованная Марина. А поздно вечером опять принялась класть поклоны о больном ребёнке.

На следующий день, придя на работу, она увидела в своём рабочем кабинете нового сотрудника. На фирме Марина заведовала отделом маркетинга. Они в тандеме с сотрудницей Надеждой Юрьевой напряжённо трудились. Но её подчинённая была уже пожилой дамой и в прошлом месяце ушла на заслуженный отдых. Теперь Марина, мягко говоря, “зашивалась” и просила у друга-начальника, Димы Скворцова, нового работника.

— Сделаем, Мариночка, — отвечал он устало. — Потерпи ещё чуть-чуть.

Димка, её сокурсник по “Плешке”, начинал закручивать бизнес помаленьку. Однако ему повезло угадать нужное направление, и дела быстро пошли в гору. В свою фирму он пригласил работать некоторых старых друзей по институту. С Мариной за несколько лет они уже притёрлись и понимали друг друга с полуслова. В минуты потрясений она успокаивалась на мысли, что хоть с работой повезло.

— Вадим Сергеевич, — выйдя из-за стола, представился её новый подчинённый, — прошу любить и жаловать.

Марина, обожавшая всё красивое русское, не могла не отметить мягкие волны светло-пепельных кудрей, серо-голубые глаза и ладно скроенную фигуру спортсмена. “Князь Серебряный”, — пришло ей на ум, душа встрепенулась, а щёки вдруг зарумянились.

— За честные труды почему бы не пожаловать, — пошутила она. — Хотя сразу скажу: работы выше крыши.

— Дмитрий меня предупреждал, — ответил Вадим Сергеевич.

— Вот как? Вы, оказывается, знакомы. — Марина стала рассматривать бумаги на столе.

— Да, друзья по охоте, — улыбнулся новый сотрудник.

Марина удивлённо на него посмотрела.

— Дальше не продолжайте. Я эту тему не люблю.

— Как изволите, сударыня, — он церемонно поклонился.

“Очарование, — Маринина мысль кружилась вокруг нового сотрудника, — сама любезность и бездна обаяния, таких вроде бы сейчас не бывает. Только глаза у него холодные. Вот сейчас улыбается, а взгляд жёсткий и внимательный; видимо, форма с содержанием не сливаются. — Таковы были первые наблюдения, говорят, что они самые верные. Но человек этот был столь симпатичен и мил, что Марина невольно начала его дорисовывать. — Ладно, надумываю на бедного. “Ах, вы, очи голубые...”

Через несколько дней утром у неё на столе появился огромный и, видимо, дорогой букет цветов.

— Что это? — Марина вопросительно посмотрела на Вадима Сергеевича.

— Хризантемы, — ответил он. — Вы что, не любите?

Она их обожала: “Но откуда он узнал?”

— Женщинам странно не любить цветов. Но я не понимаю, к чему эта роскошь?

— Предположим, у меня было хорошее настроение. Почему бы красивой женщине да не преподнести букетик хризантем?

— Теперь всё ясно, — ответила Марина и переставила подарок на подоконник. — Пусть эти белые облачка порадуют всех к нам приходящих, — пояснила она, чтобы не обидеть коллегу.

Часто пёстрые коробочки всяческих трюфелей, “Рафаэлл”, шоколадных “Мегги”, “Комильфо” и прочих “Коркунов” впархивали теперь в её рабочий кабинет, но Марина ставила дары Вадимовых щедрот на общий стол в комнате, где сотрудники обедали или пили чай и кофе. У неё было чувство, что принятие подарков — это уже несвобода. Да и с чего это вдруг...

Однако они уже перешли на “ты”, отбросив рабочие формальности, стали друг для друга Мариной и Вадимом. Часто из кабинета слышался их смех. А Марина подолгу застывала, глядя в оконный проём и мечтательно улыбаясь.

Вечером, стоя на молитве, она снова и снова горячо просила о благополучном разрешении от бремени Катерины, и тут же вспоминался Вадим. На душе становилось тепло оттого, что этот человек посетил её жизнь. Именно таким грезился ей любимый мужчина в мечтах и снах. “Подарок судьбы?” — думала она.

Однажды Вадим спросил, улыбаясь, но взгляд его был, как всегда, несколько циничен (если бы он догадывался об этом, то, наверное, поработал бы над собой):

— Что ты делаешь сегодня вечером? Мы могли бы пойти после работы в один чудный ресторанчик.

Марина немного растерялась. Коллеги никогда не задавали подобных вопросов. Во-первых, она — “лицо, приближённое к императору”, а во-вторых, ореол церковной женщины, к тому же её шуточные заявления, что она музейная редкость, невидимо отделяли её от мутных помыслов окружающих.

— Нет, не могли бы. Я не хожу в злые места. — Она нервно рассмеелась. — И мне есть чем заниматься вечерами.

— Ах, я забыл: у нас же пост. Ночь перед Рождеством ещё не скоро.

Марина озадачилась этими странными словами. Потом, как у неё часто в жизни получалось, завертелось одно за другим. Зина из бухгалтерии за чашкой кофе, когда они остались вдвоём, вдруг сказала тихо:

— Ты поосторожнее с этим Вадимом. Ко всем кобелится, бабник сине-глазый.

Марина рассмеялась, но, наверное, глаза у неё в этот миг стали печальными.

— Зин, у меня другие задачи. Мы просто сослуживцы — и всё, никаких проблем.

Она зашла в свой кабинет. Вадим только что вернулся из поездки по работе, видимо, отдыхал.

— Мариночка, у меня к тебе творческое предложение.

— Я вся внимание, — ответила она, напряжённо улыбаясь.

— Мне говорили, что ты в детстве пела в хоре. К нам французы приехали, национальный оркестр, Равеля играют, Дебюсси, Эдгара Вареза... Вилла-Лобоса. Друзья ходили и получили полное удовлетворение. Ты же любишь классику? Посмотри программку.

Марина пробежала её глазами и похолодела: “Павана на смерть инфанты”. Посмотрев на Вадима тоскливо и выдавив из себя: “Я не люблю Равеля...” — она поспешила уйти из кабинета. Вадим озадаченно смотрел на хлопнувшуюся дверь.

Марина шла без цели по длинному коридору фирмы и боялась, что в голове опять начнут змеиться звуки флейты. Она не могла слышать без содрогания музыку, напоминавшую об уходе сына. Удивило открытие, что свою “Павану” Равель сочинил на смерть ребёнка: “Никогда бы не подумала”. Марина резко остановилась, вдруг словно озарение нашло: этой “Паваной” Бог спас её от сумасшествия! Наверное, это было искушение, точнее, иступление, но Он попустил, предупреждая о горе на близком ей языке музыки.

С этого дня в дружеских отношениях с Вадимом наступило охлаждение. Марина установила между ними дистанцию, а он, усмехаясь, продолжал откровенно ловить её ускользающий взгляд. Всё стало Марину раздражать, будто что-то потерялось и никак не может найтись, отчего она впала в меланхолию и даже похудела. словно к душе прилепилась невидимая пиявка и по капле высасывала её жизненные силы.

“Предположим, мы сойдёмся. Ну, поживём немного, повеселимся, возможно... А дальше что? — думала Марина, глядя на его красивую шевелюру, склонившуюся надо столом. — Жениться, конечно, не будет. Он же охотник, дальше пойдёт трофеи собирать, а я раны зализывай? Даже если он и женится (во что не верится), зачем мне нужен курятник? Он же собой останется, за бабами носиться будет. Нет, дорогой, мне одной жить хорошо и спокойно”, — уговаривала себя Марина.

Однако красота и сила Вадима влекли её к себе с неотвратимой силой, как кролика к удаву. Иногда словно слышалось тихое: “Иди ко мне”. Марина чувствовала неведомые ранее токи, жгучими волнами разливавшиеся по телу и сводившие с ума. “Плоть бунтует: похоть мозг дырявит”, — замечала она раздражённо. В этих отношениях ей виделся полный тупик: он не собирался меняться. Даже ничего не стал выяснять, видимо, догадался сам, в чём заковыка. В конце концов, такая бешеная душевная брань “подарила” бессилие и сердечные приступы. Любовь окрыляет человека, а это наваждение тянуло камнем на дно.

“Всё это страсти, — думала Марина, — а с ними надо бороться. Мучила других, снегурочка, теперь сама пострадай”.

Перво-наперво она направилась в больницу к кардиологу. Врач назначила ей ЭКГ и всевозможные анализы. Марина даже ходила сутки с аппаратом, который время от времени самопроизвольно начинал тарахтеть, пугая окружающих. Наконец, отправилась получить заключение всех этих обследований.

— Можно? — Марина приоткрыла дверь.

Врач посмотрела на неё поверх очков. От набежавшей тучи в кабинет спустился полумрак, кардиолог включила настольную лампу, и золотая оправа её очков вдруг стала посверкивать. Марине показалось, что это уже было в её жизни.

— Здравствуйте, заходите. — Врач взяла её карту. — Можно вас поздравить: с кардиологией всё более-менее хорошо.

— А как же одышка, пульс? — удивилась Марина.

— Скорее всего, вам нужно обратиться к неврологу, а ещё эндокринологу. Видимо, вы о чём-то сильно переживаете.

Врач посмотрела на неё внимательно и неожиданно продолжила:

— Молодая женщина, и так себя доводить? — Она покачала головой.

— Человек должен получать от жизни удовольствие, тем более с вашей красотой и фигурой... — врач осмотрела её поверх очков с ног до головы. — Заведите себе любовника, украсьте серость бытия — и повеселеете!

Марина с изумлением всматривалась в эту полную и не очень привлекательную, но ещё сравнительно молодую женщину и чувствовала перед ней даже некоторую вину за свои гармоничные формы. Но всё же подумала с сарказмом: “Да, эта дама знала бы, как управиться с моим телом, будь оно её... Возможно, поэтому она такого не получила. И чего она ко мне пристала?”

Вслух же произнесла:

— С чего вы решили, что я несчастна? У меня много друзей, интересных занятий...

— Да не придумывайте. Всё это иллюзии: вид у вас понурый. — Врач победоносно смотрела на растерянную пациентку.

Дома Марина, бросив сумку, не раздеваясь, села в кресло и стукнула рукой по журнальному столику.

— Марина, что случилось? — встревоженная мама вышла из кухни.

— Мне кардиолог посоветовала для вящего удовольствия завести любовника! Это что, карманная собачка, да? — Марина опять стукнула по столику, а потом крутанула его вокруг оси. Столик всхлипнул и завертелся всеми колесиками.

— Прекрати ломать мебель, — Лариса Викторовна всплеснула руками.

— Все сошли с ума. Могла бы пожелать, ну, хоть замуж выйти. Нет, любовника займай. Что у людей в головах? Опилки? Ведь это судьба человека, как такое можно советовать?.. С этим осторожно надо... А то заведут любовников и любовниц, а как похоть утихнет, начинают ненавидеть, орать, вены резать, сигать из окон. Любовь — это красота, а меня все в грязь толкают...

— Тебя никто не заставляет, что ты придумываешь? — Мама подобрала с пола брошенную сумку. — Чтобы выйти замуж, надо появляться на людях, ходить на концерты, выставки. А ты носишься по болящим и ревматическим.

Марина с изумлением смотрела на маму:

— Ещё посоветуй на кладбище побывать, как в том фильме, может, я вдовца встречу.

— Ах ты злочка! — мама покачала головой.

— Вся в тебя.

— Мужчины тебя боятся. Ты не железная, ты бронированная леди. Такая жёсткая стала.

Марина обиженно смотрела на мать, признавая в душе, что и вправду в последнее время даже своих униженных и оскорблённых стала рассматривать и оценивать, а так ли это на самом деле.

— Чего бояться-то?! У меня звезда во лбу или уши на затылке?! — Марина начинала раскаляться, как печка, чуть искры из глаз не сыпались. — Придёт такой потерянный, встанет рядом, как столб, и молчит. А мне что прикажешь делать? Я должна его учить, как за женщинами ухаживать? Цветы дарить, в парке гулять... — Тут она вспомнила Вадима и осеклась. — А лучше путешествовать, дорога всё прояснит.

Марина скинула пальто и наконец стала разуваться.

— Нет, он сядет рядом на лавку и рассматривает тебя, как натюрморт. Со-зер-ца-тель. И так может сидеть годами, больше ему ничего не надо. — Тут опять вспомнились светлые кудри Вадима, и она замолчала.

— Ты же из себя строишь музейную редкость. Они и робеют. С тобой невозможно жить! — резко ответила Лариса Викторовна, поднимая её сапоги и пальто.

— Это потому, что не даю тебе телевизор смотреть день и ночь? Пупей дальше, пожалуйста, — мне-то что! — Марина развела руками.

— Ой, можно подумать... — мама пошла с вещами в прихожую. — Да я только православно смотрю. Зато ты у нас святая. Смотри, крылышки уже растут, равноангельная...

Лариса Викторовна возвратилась в комнату и выпалила:

— Ты никого не сможешь сделать счастливым. Тебе Бог не даёт мужа, потому что ты его замучаешь. — Признаться, случаются такие скорбные мгновения, когда в гневе человек выговаривает злые слова и мысли, о которых никогда и не думал. Откуда чего берётся?

— Угу... Мне даже отец Святослав сказал, что он не может меня выдать замуж за телеграфный столб. Вокруг одни столбы! — Перед мысленным взором опять встал Вадик, захотелось плакать.

— Отец Святослав намекал, что ты обзываешь мужчин столбами, презирая их, — ядовито ответила мама.

Марина на миг онемела. Она никогда не думала о такой интерпретации батюшкиных слов. У неё перехватило дыхание, а дальше она уже собой не владела. Шарахнула кулаком по шифоньеру и крикнула:

— Я всегда знала, что ты меня терпеть не можешь. Уходи, не хочу тебя видеть.

— Перестань крушить мебель. — Мама ужаснулась и заговорила тихо-тихо: — Ну, прости, если я тебя обидела. Я всегда молюсь о твоём счастье.

Марина вновь вспомнила причину своих мучений и почти простонала:

— Да не надо, сделай одолжение. Мне и так хорошо живётся.

Она быстро ушла в свою комнату, хлопнула дверь, легла на постель и стала рассматривать стену. Её била нервная дрожь. Она решила позвонить Любаше и рассказать о вероломстве врачей, о ссоре с мамой... Такого скандала у них ещё не бывало. “Чего, собственно, мы разругались? Нападение бесовское со всех сторон”, — с тоской думала Марина. Нужно было кому-то излить душу.

— Люба, у меня столько несчастий, — начала она свой жалобный рассказ.

Подруга выслушала её, не прерывая. Потом, вздохнув, проговорила:

— Знаешь, у меня мама умерла давно. А я до сих пор в этот день плачу. Мы с ней жили душевно.

— Да, мы, наверное, впервые так поссорились. Это я с ума сошла.

— Сама понимаешь, с мамами нужно обращаться бережно... А по поводу врачей... Знаешь Иришку?

— Какую?

— Такая маленькая, рыженькая...

— Да. Ну и что?

— У неё был случай. Её муж, Андрей, сильно пил. Он одно время старался завязать, но сорвался. У Ирины тут же случился ужасный приступ астмы, она стала задыхаться. Андрей сразу протрезвел, вызвал “скорую”. Ирина была в полусознании. Приехали две врачихи. Сначала первая энергично что-то делала, но движения, которые она совершала своими большими руками, ещё больше перекрывали в гортани тоненький проход для кислорода, и сознание Ириши стало уходить. Лишь в последние секунды увидела, как Андрей упал на колени перед иконой Богородицы и просил у Нёе прощения, признавая свою вину в этой болезни. Молился со слезами, чтобы Она сохранила Ирину, и дал зарок, что больше пить не будет. Ирина волей обстоятельства стала свидетельницей этого.

Марина напряжённо слушала подругу.

— Знаешь, очнулась она одетой в пальто, в ванной с горячей водой. Рядом с собой увидела хрупкую женщину, второго врача, которая потихоньку вливала ей в рот горячую воду. Это сняло отёк гортани, она опять обрела спасительную струйку воздуха и начала потихоньку дышать. Тут же стоял муж. Когда Ирине стало лучше, врач сказала, что больную надо отнести в машину “скорой помощи”. Сначала её поднял на руки Андрей, но у него не получилось нести правильно: кислород перекрывался. Вдвоём у врачей тоже не выходило. Тогда эта тонкая, маленькая женщина, которая была, наверное, худее Ирины, взяла больную, как берут маленьких детей, и приложила её голову к своей. Это было самое правильное положение

для поступления воздуха. Затем она вышла с ней из квартиры. Живут они на верхних этажах, войти в лифт врач со своей ношей не смогла. Единственный выход был нести больную на руках, спускаясь по лестнице.

Люба перевела дух и продолжала:

— Знаешь, для меня, с больным позвоночником, это было бы не по силам. Но какой бы ни был позвоночник у этой хрупкой женщины, представить себе такое невозможно. Ирина только помнит, что время от времени врач была вынуждена её переключать, и тогда струйка воздуха прекращалась. Но она вновь находила положение — дыхание возобновлялось, и несли больную дальше, всё время читая “Отче наш”.

— Она была православной?

— Наверное. По крайней мере, Господню молитву знала. Ирина рассказала об этом в палате больницы, и многих оттуда привела в наш храм. Вокруг Ирины всегда так происходит. Люди к ней идут, потому что она очень чистый и светлый человек. Помню, с какой спокойной улыбкой она рассказала всё, что с ней произошло. Знаешь, после Ирина нашла своего врача-спасительницу, и у них началась дружба. Потом Андрей опять запил и вскоре умер. Я это рассказала, чтобы ты не сердилась на врачей. Чем сильнее будем молиться о них, тем лучше станут нас лечить. Жизнь очень разнообразна и не однозначна.

— Не возражаю. Сколько людей, столько судеб. Спасибо тебе, Люба.

После этого разговора всполошённая Марина всё равно не могла успокоиться. Последним способом восстановить мир души обычно становился звонок Олегу, закадычному другу. Он, прикованный к больничной койке, никогда не говорил, что жизнь ему надоела, всегда был весел и спокоен, а она, здоровая, ходила ногами по земле и занудствовала.

— Олег, меня никто не любит, даже мама, — голос Марины в трубке готов был заплакать, но Олег её опередил.

— Почему? Я тебя люблю.

— Разумеется, я тоже люблю тебя, как брата, но я про другое, — Марина вздохнула.

— Я тебя намного больше люблю, а ты ко мне в гости не едешь. Я готов... к труду и обороне.

Вместо того чтобы заплакать, Марина рассмеялась.